

Антон Шумилин

ПРОМПТЫ К ДЖИННАМ И РЫБАМ

Антон Шумилин

Промпты к джиннам и рыбам

сборник стихов

Пенза • 2025

УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос=Рус)6-5

Ш96

Ш96

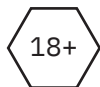
Шумилин А. А.

Промпты к джиннам и рыбам / Антон Шумилин. —
Пенза, 2025. — 210 с.

ISBN 978-5-600-04502-6

В книгу вошли стихи с 2016 по 2024 год с преобладанием
более поздних.

«Промпты» здесь — вопросы и желания, обращённые
к миру, чья нарастающая тревожная сказочность зовёт
на поиски «того, не знаю чего».

УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-600-04502-6

© А. Шумилин, 2025

© А. Фролов, предисловие, 2025

Предисловие. Александр Фролов

Название книги «Промпты к джиннам и рыбам»*, возможно, отсылает к диалогу с тонкими материями вселенной: духами (джиннами), способными вселяться в одушевлённые и неодушевлённые предметы, и рыбами, которые хоть и разговаривают, когда могут исполнять желания, но в своём изначальном виде олицетворяют молчание и безречие. То есть перед нами попытка перенастройки, отладки мира на дословесном и допредметном уровне путём поэзии, чей исток именно там.

Каждый новый раздел книги сопровождается рисунками, которые напоминают руны, петроглифы, символы в алхимической книге, граффити на школьной парте или стене подъезда. Они разбросаны хаотично по листу, будто маленькие промпты — настройки восприятия читателя перед началом очередной главы. На странице, завершающей последний раздел, рисунки размазаны, будто кто-то или что-то их попыталось стереть. Или это эффект головокружения, которое должно произойти после прочтения книги — мир поплывёт, сорвётся со своих контуров благодаря вот таким маленьким подсказкам, нашёптываниям духам и рыбам, ткущим его.

◦ Названия некоторых разделов — «В лучах закадра», «Сверхнолие», «На водном языке», «Путь срединного щупальца», «Жилка», «Дымящий свет», «Стрекоза гипноза» — намекают на то, что автор работает с эфемерными слоями вселенной.

◦ Употребление неологизмов («*мозойливо*» — мозоль и назойливо; «*о том, как пребыважность, // о том, как убегалстук*» — соединение действия и предмета — прибытие — важность; *убегать — галстук*) придаёт динамичность, плотность тексту.

* Промпт (от англ. prompt) — это текстовый запрос или инструкция, которую пользователь вводит в ИИ-систему, чтобы получить нужный ответ, изображение или другой результат.

- Всё меряется нормами военного времени — *«говорят, большое видится // на расстоянии выстрела».*
- Ироничное опредмечивание богов — *«костяная ручка, флажок, нашивка, // маленькая многорукая шивка».*
- Предметность языка, обретающая самостоятельность — *«Над забором проехала надпись машины»* — надписи ездят сами по себе; *«Заплакали буквы на грузовике»* — одушевление языка.
- Несмотря на попытки сильных мира сего обуздать всё вокруг, живое сопротивляется — *«Тяпальщики и ляпальщики ставят скобы на землю. // Но она разверзается во всех остальных местах».*
- Переключки с сюрреалистами и Льюисом Кэрроллом — *«лес двадцатиметровых грибов // разъезжается ведьмиными кольцами. // ураган им помахивает, // как фотографией мыльных пузырей»*; ирония над современным искусством — *«шапка отрывается, превращаясь в полёте // в неопознанный арт-субъект».*
- Звукопись: *«Подколёсная пневмопыль пламенеет. // Откашляешь чешую чужой скорости»*, — передающая пыхтение, кашель от запылённости, и дальше — *«Сквозь бурлём кричит птица с бусястыми глазами: // «Гарь! Гарь!»»* — продолжение звуковой игры, пропитанной обстановкой окружающего запылённого, сожжённого пространства, в котором даже птицы начинают осмысленно кричать о помощи.
- События вокруг как смертельная болезнь — *«Раковатая эпохоль».*
- *«Нависают над обрывами // И врезаются в уши»*, *«тлен теории, зря практики»* — наделение междометия и наречия объектностью, дающей опору в непривычных местах и, возможно, надежду, что в этих второстепенных, промежуточных точках зародится новая ткань погибающего, расплзающегося мира.
- Перенасыщение от всего — *«Где скомканы в одно тоска и сила, // Искусство, тошнота и аппетит».*

◦ Чудовищность маленького — «Грибнице малюсенькое, башенка высоченная».

◦ Когда внешний мир настолько фальшив, пластмассов, когда всё вокруг — фанерная декорация, что даже не может справиться, переварить внутренний мир одного человека — «в пластилиновом кювете // под обгрызанной луной // всё, что есть на этом свете, // не справляется со мной» — хороший способ справиться с абсурдом — стать зеркалом — обратить разрушительную внешнюю силу вспять.

◦ Стихотворение, состоящее только из глаголов прошедшего времени, «зажурчало пошелестело // прошуршало отхрустело....» — создаёт пространство завершённого действия, которое никак не поверит в свою завершённость; оно снова и снова заканчивается, убрав другие части речи, мешающие сосредоточиться на себе.

◦ Некоторые разделы заканчиваются стихотворением о том, что отражено в их названии, подводя итог и замыкая петлю образов и поисков.

◦ Через весь раздел «То и это» красной нитью проходит тональность иронии — в отношении мироздания («Секс параллельных вселенных в неевклидовых геометриях: // Потёрлись чёрными дырами — и большой бабах») и социальной действительности («внутри у субъектов — объедки, // внутри у объектов — субъедки. // внутри у объедков — субъедки. // внутри у субъедков — субъедки» — дофилософствовались до объедков личности и вещи).

◦ Апокалиптичность неба через сравнение с японскими городами, подвергшимися удару атомными бомбами, («и глядим — даже небо не синее. // хиросимы оно хиросимее, // нагасаки оно нагасакее») создаёт взаимосвязь между социальной и космической катастрофой.

◦ Стихотворение «недотрога динамита», состоящее только из одних существительных, согласующихся друг с другом в родительном падеже, («недотрога динамита // нематода метастаза // садомазо метадона // метаданность алмаманта...») создаёт ощущение постоянно ускользающей субъектности, отсылающей к чему-то другому.

- Ироничная отстранённость в отношении своего авторского «я» с помощью работы с фразеологизмом — *«у дарёного коня // зубы прям как у меня. // неужели этот конь — // по названию «антонь?»»*
- Состояние изолированности от всего — *«всё забор. и забор окружён заборами».*
- Единство мира живых и мёртвых: *«мёртвый голубь // уже внутри вас».*
- Нервное перенапряжение пространства, превращающее всё в боль и мёртвое — *«По ветру тянутся птицы, боли сухие плевки, // Красная бусина солнца, галстук и горн пионера. // Стены домов сварились — белые, как глаза, // Вывалиться на ладони любому хмырю готовы».*
- В разделе «Дымящий свет» появляются лирические нотки — *«Выйдя из темноты, // В руки мои, как во сне, // Мягко ложится не снег — // Белая грустная ты.»*, что у Шумилина — редкость; элемент эротики — *«Под солнцем ледяная корка. // Я — ласка. Ты — норка».*
- Чреватость чрезмерного заигрывания с разумом — *«Вот и слова уже не разобрать — // закономерное исчезновение смысла // при злоупотреблении оным».*
- Пустота мира, прикосновение — движение воздуха — *«Сквозь поры ватных пустых вещей // Лучится воздух. И мир как щель. // И наша ощупь — её сквозняк».*
- Тонкая игра на межъязыковом уровне — *«помни о смерти, // моментизируй море».*

Тематический диапазон книги пролегает от социальной иронии до лиричной интимности. В целом, каждый раздел имеет свою тематическую тональность, что создаёт полифонически-сложное звучание, где каждый аккорд, звук, пауза — орнамент смысла, по которому движется внимательный читатель.

В лучах закадра

о о о

пахнет резиной и золотом.
лают неверно понятые.
тают собачьи следы.
и ни туды, ни сюды.

дым ядовито сладенький,
торг на арене кладбища,
мёд в отделеньях слюны:
прокляты и прощены.

пухлый фингал вечера
горечью дна отсвечивает,
в тыкке растут сады.
и ни туды, ни сюды.

шлёпнешь ладонью по небу
и подумаешь: больно ему,
сил у него нет
думать людей в ответ.

корча рожи бесплотные,
рыбы ревут болотные.
на педали педаль,
только никто не в даль.

ветки густят струйками.
воздух стоит как стукнутый.
белая рябь воды.
и ни туды, ни сюды.

◦ ◦ ◦

Между птицами и рыбами
Бродят разные грибы.
Нависают над обрывами
И врезаются в увы.
Трупоеды безымянные
Вышли пальчики считать
И безумие заманивать
В необычную кровать.
Где-то есть такая лестница,
Чтобы голову сломать —
Неизвестность неизвестного...

◦ ◦ ◦

мозойливо жужжит дорога
под горлышком в обед
её так много
но нет

спекается сопливых листьев
придонный холст
на вытянутой лжи от выстрела
великий пост

из рук подавленное валится
как винный хлеб
и указательные пальцы
для разных неб

о о о

потрясение
трясу весной весенне
оттаивается отсеивается
пока настукивают со дна
где вишнёвая тина одна
из потока в поток
прыгать масток
из порток
на мосток
сматываясь в шматок
полноты бытия
и оря зияй
что за уклад такой
в подземный покой
подвздошный накой
как варёная колбаса
перевязанные чудеса
дегустация вин и стыдов
прокрастинация штанов
дрейф куда глаза
обгладывают пейза
жизнь ну такая смерть
ну такая жизнь
ну такая смерть
ну такая жизнь
ну такая весть
ни скопить ни съесть
ни пустить в обход
палат мер и весов
что ни меряй а всё слов
но неподдерживаемый код

не влезавший в кузовок
разрастающийся шматок
бытия
весны
потрясения

о о о

тишь да гладь, да в кавычках благодать,
глядь в глаза — ничего не видать.
говорят, большое видится
на расстоянии выстрела.
молящим об упрощении
воздастся вообще не оно.
духота выдавливает окно.
из-под ковра высыпается горсть земли,
сумерки и всё, что туда замели.
костяная ручка, флажок, нашивка,
маленькая многорукая шивка.
похоже на несваренье каши,
всё непонятное, новое, страшное.
шётот, скатывающийся по ступеням,
поднимает давление,
трещит ткань по шивам,
и бубен ушиблен,
и порублен шифер.
бумажка читает по бумажке
о том, как пребыважность,
о том, как убегалстук
затяжной гусоты испугался.
гордые нарукавные язвы,
связанные с практиками связывания,
зияют вместе с руками на отшивье,
проецируются на листья большие
системы опознавания свой-чужой
труп, след, лист большой
карты с пятнами селёдки,
истории, пересказанной идиотами.
самокрутка правого берега

самоположку левого тегает,
трогает опосредованно,
вкуривает, вбулькивая следствия
не у местности,
а у временности прежде и вне,
лениво укачиваясь на волне
разговоров о неважном, непришейном,
отражающих систему отношений
или не отражающих ничего, кроме
ничего, отрисованного в монохrome
по примитивному промпту
самой лёгкой моделькой оптом
и в розницу.
дескриптор озера
принять за озеро,
как за лекарство,
настаивает царство-господарство —
один из горящих по течению гробов —
другие не настаивают ничего,
кроме ничего с еловыми шишками,
пока не замело,
пока всё ещё не слишком.
шёпот, скатывающийся по ступеням,
поднимает настроение,
когда в провалах строения
чернеет фундамент сомнения.
на свитере битой карты
битые пиксели, но всё понятно,
когда затяжки клубятся
пятнами
на щеках,
шивится вода в ручейках.

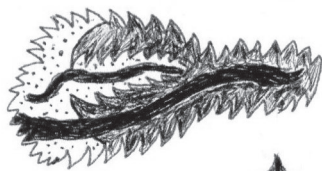
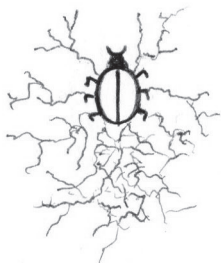
◦ ◦ ◦

Над забором проехала надпись машины,
А я краем глаза подумал,
Что это бегущая строка.
Как индюк, перебегающий аршины,
Думал, думал, думал,
И в суть попал.
Реальность немного дополнена
Блеском стекла драконьего.
Махнул рукой пробегающей строке
Или, что вероятно, махнул на.
Заплакали буквы на грузовике,
И заострилась дневная луна.
Вокруг протекает разнородный народ,
Сгущаясь и ограды выламывая.
Я читаю строку наоборот.
Строку антирекламовую.
С того берега лужи
Другой вид, чем с этого.
Отхрипываю простуженно
Всё параллельное и фиолетовое.

o o o

Весеннего онемения подступ
И скользкий оступ на лестнице белой.
Трудно выстроиться по росту
Мыслей из тёмного тела.
Трудно выстроить блики
И пятна грязи в гештальт. Рядом
Вороны делают нетрудовые выкрики,
Пока я роюсь в лучах закадра:
Испепеляющих и дремучих,
Если так выразаться можно,
Если я пластилиновый мульттик,
Мерцающее множество.
Гололёд — это пол смеха,
Голограмма — потолок и гендер.
Поскользнулся, качнулся, съехал,
Застревая в смешные недра,
Где шевелится в пироге начинка,
Онемение искрит весенне
И прохожие ходят грачино
До падения и посинения.
В испепеляющих лучах закадра
Тянется бесконечная лента.
У апокалипсиса я — квадра.
У ладони я — пента.

Буксует лес

o o o

Сперва живые, а после — мёртвые
льются по улицам и сливаются,
как богомол, со средой обитания.

Здания трескаются, как яйца,
светила закатывают глазищи.

Акушеры нового мира положили на всё с прибором,
разбазарили инструменты, эмигрировали вовнутрь.

Смотришь — руки твои в морщинах, губа треснула
да и по всем каналам что-то трещит.

Тяпальщики и ляпальщики ставят скобы на землю.

Но она разверзается во всех остальных местах.

Запах малинового клопа стоит колом,
летают крестики и щетинки —
ширится мезенская роспись.

о о о

лес двадцатиметровых грибов
разъезжается ведьмиными кольцами.
ураган им помахивает,
как фотографией мыльных пузырей
в зубах старый клоун или собака.
санитар-лес,
унеси мои мощи на носилках за горизонт.
зонтичная дезорганизация:
стук в грибную ножку избушки,
вызов демона скорой хихиатрической.
шляпка отрывается, превращаясь в полёте
в неопознанный арт-субъект.
санитар-лес,
протри спиртом землю перед бурением скважины.
червяк — это медленный дятел,
лижущий длинную ногу,
а ураган — это слепая фабрика
срывов и помрачённых соединений.
элохим садятся в сани.
сани мчится сквозь санитар-лес
по свежевыпавшему соку холода.

◦ ◦ ◦

Раздеваю капусту.

Первый лист — грязная свинья —

Хрюкнул в отрыве

Так, что мухи вспорхнули с деревьев.

Второй лист — жухлый и разложенческий.

Осенняя слизь.

Третий — в чёрных веснушках,

Четвёртый — в чёрных веснушках,

Пятый — в чёрных веснушках.

Восемьдесят четвёртый — в коричневых веснушках.

Дальше — твердолобая белая кочерыжка,

Простыня, прущая хлоркой,

Врубленный посреди дня прожектор,

Зимняя пустыня вокруг Свяжска,

Верхний мел,

Нижний мел,

Сингулярность.

o o o

Подколёсная пневмопыль пламенеет.

Откашляешь чешую чужой скорости.

Хаотичные скороеды на мгновение становятся видимыми.

Сквозь бурлём кричит птица с бусястыми глазами:

«Гарь! Гарь!»

Скрипит двухэтажный горелый дом на куриной ноге,
зубами по стеклу, гробом по быстрому.

Отъезжает реклама, замаскированная под автобус,
чьи окна затягивают носы в двумерность.

Доешь до палочки огрызок взопревшего плода.

Лишь пневмопыль пламенеет, да длинная птица кричит:

«Гарь! Гарь!»

o o o

Заброшенная церковь головы
не выпускает моль,
пугает фресками.
Её никто ещё не уловил —
смотрели вдоль
глазами резкими.

В оконный светятся проём
снегов полуденность
и отражение
той темноты, что топором
внутри посудыны
идёт в движение.

◦ ◦ ◦

Напряжённые полости,
агрессивные полосы,
красноватые борозды
под седыми халатами,
под чужими халатами.
Промерцали события,
промерцали. Сморгните их.
Не потоп, не соитие,
не труба подозрительная,
а ведь капает, капает,
нутряная, лукавая,
полужизнь, полукамфора.
Сколько скользи накапало?
Попромялись события.
Попромя... Сщелбаните их.
Сколько скользи накапало?
На сомнамбулу хватит её?
За мембраны качание
между сном и отчаянием
выпьём стоя, не чокаясь,
не крестясь и не эхая.
Раковатая эпохоль,
закругляется эпохоль.
Много скользи накапало.

o o o

перо, как большая снежинка,
пролетает мимо вязкого взгляда.

расслабленное тело чувствует
максимальную тяжесть самого себя.
напряжённое тело порхает легко.

лёгкий ужас, тяжёлый сон...
жирные поля оксюморонов
перекопаны наизнанку.

дихотомительно, духотомительно,
диплодокисто вытянуто.

тяжёлая задача не решается,
а лёгкая ничего не решает:
тлен теории, зря практики.

выбирая между
погружением и полётом,
горячей землёй и холодным огнём,
выбираю только всё.

о о о

Огонь идёт по снегу босиком
И прилипает к жизни языком,
Когда, перемахнув через перила,
Ворона каркости на озеро летит,

Когда, проткнув приплюснутый мандраж,
Спускаешься на цокольный этаж,
Где скомканы в одно тоска и сила,
Искусство, тошнота и аппетит.

Когда над снегом озеро летит
И в ухе что-то щёлкает плетью,
И хочется развёрнутую карту
Наткнуть на прут, пожарив на костре.

Ворона оставляет колею
И прогревает в мире полыню.
Быстрее озера и снега только кратность
Ума уму. А небо всех быстреей.

o o o

Грибище малюсенькое, башенка высоченная,
неуловимая местность пересечения.

Рассечение.

Лезвие умеет показать в разрезе
всё, что не видно по-трезвому.

Лезвие.

Оно умеет показать в отражении
всё, что соскакивает в не то положение.

Драже.

И выбор очнуться из матрицы, встать из гроба,
превратиться во что-то такое, чтобы...

Хоба!

Неуловимый крест-накрест опознавания
себя в контексте того, что правильно.

Оправдание.

Неуловимая местность пересечения
туманится под пеньками, чувствами и значениями.

Свечение.

Светлячки из грибища ползут на башенку.

Зеленью загорается маяк погашенный.

Кажется.

о о о

на краю бездумной ночи
засыпать неумоготу —
у неё тряпичный почерк,
сторожащий наготу,

словно груды старых досок,
мухоморов и мокриц,
или угольный набросок
шерстяных кошачьих лиц.

в пластилиновом кювете
под обгрызанной луной
всё, что есть на этом свете,
не справляется со мной.

o o o

В жилетках из листьев
примеряясь к берлогам и ямам,
изучая шрифт клёна щекой,
запылившись повёрнутым глобусом
у леса на подбородке,
пристального,
разглядывающего так мало,
почти ничего,
развалившись в расфокусе,
переворачиваясь в лодке

в небо сквозь пальцы длинные
фрактальной размерности,
сквозь пальцы на пальцах
в хрустящих мяу о тайне
и общих руках,
выдыхаемся пылью глины,
выглядываем из норы мерности,
выглядываем из наррации,
а там заклёпанные вдаль опоры
и руины на яичных желтках.

о о о

плотность кленового леса
с тёмно-зелёной горчинкой
играет складками местно
стихая в рябой гомон воды
множась поперечневой глиной
и гидросплетением облаков
с их отражениями в шпрехен
перекрывая другие леса
посиневшие больные дороги
баюкая бесшовную ласточковость

о о о

залипнув на колонны,
застенчивый фронтон,
наклонны мы, наклонны
к зачехлению имён.

летают птица, птица
и кружево меж них.
запоминаем лица,
не понимая их.

как серый старый шифер,
полопались дела,
и мы ломаем шифр
от вечного тепла.

не подбирая руки
и ноги не стерев,
качаемся, как духи
паучьи, меж деревьев.

запоминаем: птица,
застенчивый фронтон,
летают лица, лица
и шелест волн и волн.

гребём из этих таинств,
где голос погребён
и прибывает танец
к почехлению времён.

о о о

зажурчало пошелестело
прошуршало отхрустело:

зажурчало зашелестело
зашуршало захрустело

пожурчало пошелестело
пошуршало похрустело

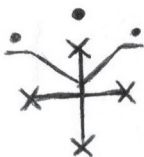
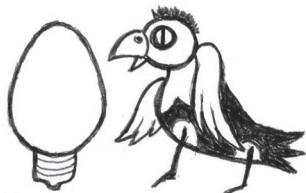
прожурчало прошелестело
прошуршало прохрустело

отжурчало отшелестело
отшуршало отхрустело

o o o

Под плёнкой сов
Буксует лес.
Наискосок.
Наперевес.
И кто налип
На пни и мох,
Вина налил,
Повыл и сдох?
Ряды дерев,
Куски камней,
Добро зверей
И зло зверей.
Скрипит, как дверь,
Мохнатый ствол.
Я тоже зверь.
Я тоже зол.
Я тоже добр.
Буксует лес
На от и до.
Его в обрез.
Его в обрез,
Меня в обрез.
В обрез и с,
В обрез и без.

То и Это

o o o

расслабленная
левитирует над блюдцем миндаля
раскоординированная ласточка радости,
словно мозжечок её повреждён
и порхание обречено оставаться зелёным,
как столетняя агония дерева.
смотреть больно
на витки надминдального,
расслабленного, раскоординированного,
обречённого оставаться зелёным,
радостного порхания.

о о о

вот смола и мел —
ингредиенты себя.
течение хруста.

жёлтый и белый
свозились в земле-небе.
и с треском пали.

на доске надпись:
мёртвым не надо сюда,
почему они тут?

в кладовке систем
мы пишем останками
по бездорожью.

бежево, серо.
сыпь ледяной крупы.
период такой.

вот скрип белого —
от белка першит горло.
от желтка — сухо.

«мёртвым оставьте
хоронить своих мёртвых».
никто не слушал.

в янтаре торчат
глаза, полные снега.
а языка нет.

вкрутить яйцоколь
в медовый спас-патрон:
да светится всё!

Арахния

Паучья сияющая тьма
вопросительными рядами бус смотрит,
огромными каплями бензина на жирном асфальте.
За матовым телом майи якобы что-то прячется,
но нам этого не выпрятать —
сами смотрим через пачку слоёв слов,
пока пауки делают свою работу.
Гармония сетевого целого
переваривает изнутри.
В полосатом небе двигаются детали.
Топливо замирает в прозрачных мишенях.
Нас пора высосать.

• • •

Улитки не помнят собственной матери —
Вавилонской башни,
Которая, лизнув небо,
Рассыпала по земле языки,
Отделённые от тела.
Но они и поныне
Облизывают земляные комья
В разных частях планеты,
Подозревая, что когда вырастут,
Залезут на молчаливо-пуританское небо
И насмерть его залижут.

o o o

I

над содержимым —
свёртка свёртка,
как над живыми
ветер мёртвых.

как лёд над миром,
бинт над раной.
как дно прогнило,
ад надраен.

снимая с веток
сливки сливки,
как белый слепок
сверхулыбки,

как сизый ноготь,
копоть света,
тянусь потрогать
то и это.

II

трещат ледяные арбузы,
и соль на пеньке — горкой.
слипаются перья и грузы
в грязный комок под коркой

обоснований и рассуждений.
у свёртка внутри — свёртка.
и сохнут глаза растений
под ветром живых мёртвых.

III

как мёд над полем
прожужжавший,
блестит плохое
упреждаться.

в сырых низинах —
рты без пара.
коптят резина
и гитара.

как соль над миром,
лёд над лесом,
повтор над мимо,
рост над весом.

торчит из свёртка
ложновымя,
как ветер мёртвых
над живыми.

◦ ◦ ◦

пылает место под солнцем.
ворчат обведённые пальцем
глубленье холодных колодцев,
торчание базовых станций.
графинчатым полднем налившись,
сияют нелишний и лишний:
проспект, припорошенный пылью,
клоповник, прилипший к насилью.
на медленности пространства —
резинки, чулки и панцири.
внутри у субъектов — объедки,
внутри у объектов — субъекдки.
внутри у объедков — субъекдки.
внутри у субъекдков — субъекдки.

• • •

Тепловая смерть щей вытягивает нос ветра:
Перевернутые вертятся во гробах:
Секс параллельных вселенных в неевклидовых геометриях:
Потёрлись чёрными дырами — и большой бабах:
Солнце припекло макушку — и в голове мультиверсум-батл:
Разрыв цепей на отдельные пузыри:
Разрыв каната в сухие кальмары патл:
Разлом диафильмов, просмотренных изнутри:
Секс пузырей на ветру, громоздящем грозди:
Потёрлись цветными попками — и хлоп, хлопачок.
Неужели и за этой картиной прячется гвоздик:
Гвоздик, на котором повесилось всё и ничё?

о о о

I

Пружина разжимается
и растёт в объёме.
Губка разжимается
и захлёбывается.
Кулак разжимается
и перестаёт быть.
Пружина и губка в кулаке
растут, захлёбываются,
кулака нет.
Только ладонь,
пористый кусок (утонул)
и спиралька (утонула).
Всё разжалось.
Створки открылись,
и покатилась жемчужина.
Челюсть ослабла,
и вывалилось слово:
Вода.

II

Чешется мысль о дерево видов.
Ну и видок у её лицевой оболочки,
когда в дерево бьёт молния!
Всё сделано в лучшем виде —
чистый видовой шовинизм.
Привычка делать вид,
что всё в порядке,
прикуривает от горящего тела.

Если на выжженном поле
ни деревьев, ни дверей, ни эха,
то уже всё равно
не аукнется.

III

Взъерошенный попугай улиц
повторяет и повторяет
разбрызганный биноклюят перспективы.
С поверхности мягкости
на глубину резкости
падают хлопья весеннего снега.
Разделочная поверхность резкости
поджидает глубину мягкости.
По одну сторону
слово Вода и покати́лась жемчужина,
по другую — ничего не аукнется.
А тут
светофор мигает жёлтым
бесконечно.

◦ ◦ ◦

Глубокомысленные шуки
Плывут и клацают дверями
И гелий надувают в щёки,
Всплывая к небу пузырями,
Как недоделанные руки
И неприличные намёки.

Сквозит течением зелёным
Трава сквозь горлышко июля,
Сминая волны и поляны,
Слепляя жу в поля и улья.
Шлифует бесом подселённым
Объятие свои изъяны.

И переполненные логи
Горят, на звёзды наступая.
Лучи сбиваются с дороги.
Болячку я отколупаю:
Под ней расплывчатые боги.
Под ней свернувшиеся боги.

◦ ◦ ◦

Стекляшка солнца,
Трава по пояс.
И тихо, словно
Попал под поезд.

И паутина
Земли холодной
Дрожит картинно
Под кем угодно.

о о о

Опахало вокруг лица
понимание воздух
противопожарной полосой.
Подгорает с другого конца.
Вскидываешься на звёзды,
вжаливаешься осой
в мякоть ночи. Она орёт,
словно падает крышка на пол.
Средневековый мезозой
пялится под лёд.
В прорубь знаковую.
Минус на минус — плюс.
Мы не видим одно и то же.
Ключевое слово забрать по вкусу.
Феромоны корёжат вкус,
насекомые пятна по коже.
Тля жрёт капусту.

◦ ◦ ◦

Западает чёрная балаклавиша,
за которой гудящая барокамера
с бесконечным числом исчезающе малых ангелов
на кончике пришьющей иглы.
На фоне растущих объёмов теряются площади.
Скачет демон на крокодиле.
Куда-то мы угодили,
В какие-то перья мглы.
Мшистые сапоги лесничего
топчут абстрактный предмет.
В ничего только край ничего.
В бесконечности края нет.
Видимость маргинальна —
отражает столкновение сред.
Промежная впалая тьма.
Выпуклый крайний свет.

Антирот

Рот выворачивается наизнанку,
щёки растягиваются чулком,
человек исчезает в самом себе,
потом исчезает рот.
Такое надуманное поглощение,
как будто в тумане исчезает туман,
в радости радость, в боли боль,
в слове слово,
в слове — олово слова, снова и снова,
снова и снова, снова и снова —
снов основа, ослов основа,
в слове — основа, в основе — соль.
Сопли — на щеках, вывернутых наизнанку.
Вроде надуманно, но рот уже исчезает.

◦ ◦ ◦

шипит роза,
вмешиваются в озеро
уплотнитель и увеселитель,
набивая чешуёвую обитель.
нормкор рыбам пошёл,
пошло поехал порнкор,
ретродепрессия и футурошок
отвешивают общий поклон,
занавес рушится.
раскирдык скучного.

• • •

Оцарапано небо миражным движением рек,
Словно лай без собаки, морская волна без воды,
В молчаливо-удушливом черепе катятся яйца.

И текут из глазниц, и времён ускоряется бег,
Терпеливо тягая облупленных истин зады
Мимо вечных ушей циркового зашляпного зайца.

o o o

Шныряют закоулки
по людям в капюшонах.
Они такие гулкие,
шуршаще отрешённые.
И дёргаются брови,
как жёлтым поворотники.
И фарами коровьими
глядят из подворотинки.
И даты пробегают,
наддаты пролетают,
поддаты проползают.
Копытными ногами.
Крылатыми цветами.
Коньячными слезами.
Стена сползает медленно
по человеку бледному.

◦ ◦ ◦

Нелипкий снег проскальзывал меня, как заплетенье
То языка, то моря облаков, то беспардонных кос,
И всё сугробистое было так сугубо, что согнулся
Я посмотреть на жёлтый мандарин, очищенный в снегу.
Я посмотреть согнулся. Налетели
отзывчивые тени,
и саспенса поднакатил кокос
(серьёзно-волосатое растенье).
Мелькает тополиная завеса,
Я вдоль неё, как поршень интереса.
Стою. Бегу.

o o o

Ужель ты веришь голубям?
Они же клювом по бровям.
Когда не сладят с телом сытым,
Курлык — и клювом по бровям.

Ужель ты веришь и кустам?
Их плоть упруга и густа.
Когда рукой поднимешь ветки —
Сидит чего-нибудь прям там.

Не любят голуби кусты.
Друг другу все они пусты.
Никто и никому не верит.
И распадык на лепесты.

◦ ◦ ◦

чуть взгляну я на небо синее,
а оно и не синее вовсе —
всё седо, словно волосы осени,
словно мы надоели и посланы,
и глядим — даже небо не синее.
хиросимы оно хиросимее,
нагасаки оно нагасакее,
шиитакэ оно шиитакее.

◦ ◦ ◦

Заело.

Нами заело Оно.

И скоро мы будем — давно.

И что б Оно ни заело —

будет давном и оно.

• • •

недотрога динамита
нематода метастаза
садомазо метадона
метаданность адаманта
инсургенты панорамы
брахмапутра перепоя
перепонки псевдоподий
мастодонты перепадов
горловина половины
пуповина голосины
волосатость обезьяны
слоноходы китобоев
парадоксы мудозвонства
император некрофилов
автозаки коматоза
подсадные печенеги
подпредложье рагамола
анаболик барабана
черепаха катастрофы
гробовые коридоры
остановка сердцемышцы

◦ ◦ ◦

у дарёного коня
зубы прям как у меня.
неужели этот конь —
по названию «антонь»?
а на конской на спине —
лозунг: «слава сатане!»
неужели этот конь —
иппоморфная, бля, хтонь?

тринадцать пунктов о главном

1.

так пыжились,
что случайно начижились.

2.

утренний этюд: рассвет задержан
за то, что был на улице без одежды.

3.

что-то с чем-то сверяется,
когда под подол ныряется.

4.

грибник весь день искал резон
среди расхристанных ризом.

5.

только одно проморгать не дано —
бревно.

6.

белы рученьки да красны кнопочки
безделают опаньки и делают опачки.
и немного скрючило
в направленьи хрючева.

7.

завтра будет лучше, чем вчера,
процветать на кладбищах трава.

8.

завтра скажут: поделом.
— ок,— ответит бурелом.

9.

вот бы попыжиться,
а потом почижиться.

10.

я в бору зарыл нору.
вряд ли в ней теперь умру.

11.

вечерний дуэт: козодой с лисой.
грибник от него седой и косой.

12.

некоторые истинки
шуршат, как листики.
шур-шур, чем хуже планируешь,
тем лучше пикируешь.
шур-шур, когда таймер запикает,
уже никто ничего не запикает.

13.

слово договаривается ни за кем
на экстравагантковском языке.

◦ ◦ ◦

Психогеограф Глобус обошёл,
и стало хорошо, когда хорошо.

Лепится случайный маршрут:
и нелепицы щёки себе нажрут.

Путешествие клубчисто — светлый лик
поднимается, как екб-снеговик.

Диктатура простых путей
распадается на глаза в темноте.

Уякорённость к чёрту, и в путь,
чтобы оказаться тамь, а не туть.

◦ ◦ ◦

Волосяные покровы ночи
Клочьями рассвет состриг,
Лысая розовая чупакабра
Бросилась нам в объятья.
От неожиданности выпал пончик,
Надкушенный в прежний миг
(Я крикнул ему: пока, брат!
(все люди и вещи — братья)).

• • •

Лобзай, а не банзай!

◦ ◦ ◦

Коридор настаивания —
Времена тряпок.
Крошка-сыр, сталинка,
Таракан, тапок.

Времена раскалывания.
(Коридор Бога).
И вперёд — до талого
По ушам в погань.

В голове раскалывания —
Перегар нити.
Времена наскальные.
(Памагити).

◦ ◦ ◦

перец не перец,
камыш не камыш,
жасмин не жасмин,
клубника не клубника,
кедровые орехи не с кедра,
традиции нетрадиционны,
осциллируют между не убий
и вырежьте их всех.
самая последняя в жизни проблема
это чем заменить слово панч.

o o o

Есть ещё ворох в вороховницах,

Тату штампов на папках.

Медитация в пыльных шкафах.

Поварёшки в ячейках — переставлять, проворачивать,
стучать ногтем.

Заумь цифро-буквенных кодов —
музыка для наших кукушек.

Обмазавшись вареньем, соленьем,
принесённым в дар лысым богам,

Теребить кнопки насосов,
перекачивающих трупы на запад.

Размноженное лицо — добро на зло,

На изломе человеческого —
барабанная дробь в футляре.

Чем выделяться, если не органами выделения?

Памятник солёному огурцу

Прорастает с заднего двора
на улицу, занимает площади,
телеграфы.

Безлимитная консервация.

o o o

Испорченный телефон —
очень долгая и скучная игра по итогу.
Голову продувает наклон
оси слова «бог» к богу.

Почему очень творческое переосмысление
и буквальное толкование
в пределе — одно и то же явление,
примерно как дать дубу и утонуть в ванне?

Почему фокус внимания
направлен на дешёвые фокусы,
пока проходящая через толпу обезьяна
дарит первой учительнице флоксы?

Похоже, сквозняк очень сильный
и распирает присваивать чужие слова
смертельной тоске по ржавой могиле,
никогда не дающей правильного ответа на дважды два.

Похоже, что привлекательные скелеты
используются как белые перчатки.
Чтобы прятать туда окровавленные руки и напевать куплеты
о солнце, родине и всеобщем счастье.

Иешуа звал преодолеть страны, а Карл звал преодолеть классы.
Призывники первого поняли, что надо убивать за величие нации.
Второго — что надо умирать за гордость классовую.
Главное, сохранять границы и не меняться.
Вроде бы именно так и советовали Иешуа и Карл
не делать.

• • •

В толстые уличные хрящи вникая,
Переворачивается мышца роковая.
Неважно сориентированная объектность:
Попеременно вглядываюсь в этос и этнос.
Волоча добродетель, бредёт характер.
Откровенно, какой из него каратель?
Завалилась тень, зачесалась пятка,
И нападали в почву рубли осадка.
Облака — и тоже, ни в хвост, ни в гриву,
Всё плывут и плывут, и не пахнут дымом.
Нелокальность в связке слона и мыши.
За углом не воют, но всё так слышно.
Облака плывут не туда — обратно.
Коченеет небо, на небе пятна.
Магазинщики, затворники, крючкотворцы —
Норная порода — ползут от солнца.
На дестройке искры, куски и струйки,
Прижимные ноты лежат по струнке.
Каждый кубик мозаики — чётко в топку,
Остаётся только нажать на кнопку.

о о о

Подбирать остаточные детали,
Что сыпятся с «мирного неба над головами»,
Как неоправданное отлетание,
Как постепенное отмирание.

Из карьера в карьер рыжие ноги,
В них правды нет, но висит, смотрите, как —
Двухголовый спрут демагогии и демонологии
На вязких волнах петрополитики.

Падающие колонны, гигадающие базы базовые
Друг друга пачкают, переименовывают.
Когда вы поймёте, что это заразно,
Уже было поздно, уже бахает сверхнолие,

Как постепенное отлетание,
Как неоправданное отмирание,
Что подбрасываются в «мирное небо над головами»,
Дастиш пастиш, остаточные детали...

◦ ◦ ◦

варёный ангел
красное колесо
ошмётки пошмякали
и глаза молочные
все в паутине
и всё литературно
куприн кастанеда
путь яма обнуление
хз яма нияма
двести семь костей
складываются
поэтично как угодно
комбинаторный
натюрмортный взрыв
эти смиренные кости
и лопнувшие глаза
красному колесу
варёному ангелу
болтающейся фене

баллада о сокращениях

халабуда-дура гудит утробно,
урамбовывая звуки развешанные
и размазывая по земле лобию
грубо-зернистой местности.
между связанными и разведёнными добавить нечего,
просят не рук, костылей, прощений,
а раскатать кровавый кусочек вечного
в длинное без сокращений.

выживают крестиком и ромбом
из ума в территориальную деменцию.
и макабрит их геката-гекатомба,
и сосут телескопические дементоры.
голый безнал бездны — чёрная комедия.
щерится ров... кто кого пещерит...
каждый переоблизанный рубль коммерции —
в длинное без сокращений.

железные гусеницы ползут за гробом,
всё остыло, ящерице негде пригреться.
интертелия. тело глядит в оба,
как всё запрещено и ничего запретного.
прах так устал, так устал, и летит развеяться,
мимо спёртых воздушных, запертых помещений.
у гекаты за пазухой много сосков смерти
в длинное без сокращений.

о, графитовый порошок
на молочной поверхности —
карандаш об эмаль или свет из щели
в линию соприкосновения сердцем,
в длинное без сокращений.

o o o

Под мостом
Синий свет,
Трупный вид,
Трудный путь,
Потный мрак,
Сальный след,
Сорный жир,
Слово хуй,
И вода,
И вода,
И вода,
И вода,
Выпрыг рыб,
Чёрный блеск,
Влажный дух,
Самотёк,
Глубина,
Ни войны,
Ни вины,
Ни дна.

◦ ◦ ◦

если разговорить любое слово,
у него темнеет в глазах.
и каждый последующий скример
при прочих равных
пугает на N процентов меньше предыдущего.
извините, но вы на пути бесконечной
движухи к золотой середине
между ужас и ужас-ужас-ужас.

o o o

человек с рюкзаком
форсирует тёмную улицу,
подключаясь к мычанию ветра.
чьи-то волосы в проводах
заплутали и мечут искру.
в эту улицу дважды никак.
в эту улицу ни почему.
и передник из бензиновых лужиц
прикрывает незнамо чего.

равновесие — шаткий предмет.
слева тянется мордобитье,
справа тянутся оккультияпки,
сверху ветры жуют воротник.
человек с рюкзаком
вспоминает: коней
на переправе не меняют.
и думает: а если кони специально
переправляются так плохо,
чтобы их не меняли??
так и не переправишься никогда...
с этими мыслями он
проступает сквозь промокашку
дряхлого забора
пополам в мутной воде.

огонёк сигареты увидев
между болтающимися гнилушками,
человек замедляется.
толстый хрящ горбатой улицы
подрагивает от прикосновений.

продвижения как бы и нет.
тёмная улица его тоже массирует.
и только читательский опыт,
хитрый нос и тощий рюкзак
не дают быть
надутиным и напугиным.

подключившись к мычанию ветра,
касясь чьих-то искрящих волос
на столбах тёмной улицы,
человек с рюкзаком
форсирует её,
как бы там ни было.

• • •

Ничто эукариотическое
мне не чуждо.
Родина большая и малая —
гигабайт и мегабайт.
А килобайт? Она.
А тер(р)абайт? Она.
Мне нужно
это предложение.
И важен этот текст.
Но как он
без других текстов?
Как он без слов?

о о о

строгие синие ели отбрасываются на заводскую стену,
как прилипает облако к солнцу,
движутся людские пространства, разбрызгивая лужи
подошвами, каблуками, пальцами.
нюхнув до глубины души эту вековую пыльцу,
шестьдесят восьмой, сорок пятый, семнадцатый
шлют приветы, ганеша на крысе по свалке кружит,
контурная карта — кровавая — схема понци
прожилками простреливает штукатурку темени.

ретрофутуризм унизителен в людских пространствах,
объятых добровольно-принудительным дисконнектом.
подгоняй крысу, ганеша, пока не завязали хобот,
пока не погасли все огоньки в траве
(хоть и бездействуем к деятельному концу
в коже слоистых скобок, корней, дробей).
ворона на сотовом ретрансляторе сидит в оба
и каркает то на облако, то на лето.
труби, ганеша. горите, огоньки. постараемся.

o o o

Кто мы, чтобы перестать пытаться?
За углом угла отшёптывается дождливый вечер.
Клубок молний за облаками нуара — откатившийся
повисший венчик.

На периферии зрения что-то происходит —
галлюцинация, скрытый слой?

Блеск бёдер, полированный сфинкс,
пришёптаный пробор футуризма,
вероятно, подступает новое Эро
стачивать империи, обваливать старые храмы.

Электрические мачты слишком человеческого
качают невский полумрак:

потайная сцена, заговор гладкой кожи
в бруталистском каменении,
дочь человеческая — уточнение мощи,
преломление трёх тeneвых,
кормящее триллион звёзд.

Сурский полумрак зажимает мачты
электрических проползновений,
протрясающих пролегоменов к пересборке.

В тени гранитных атлантов персидские девы-матери
режут волосы, рвут плащаницы

ЛЭПать друг друга, электрифицировать воздух.

Революция

наворачивается на глаза.

о о о

После вопросительных знаков
И перемноготочий —
Звенящий знак согласия,
Омерзительный запах
Химической точности
И масло масляное.

Терпение нестерпимо.
Складывается и сложится
Из гроздей гнева и клубней краха...
Отчаянная экстропия.
Непререкаемая всевозможность.
Непримиримая сатьяграха.

• • •

Почесали, вытянули репку
С костяной колоды
Верящие в скрепку
Несвободы.
Репка плакала сначала
От кормушного тепла.
Потом закричала
И насмерть приросла.
Дед бил-бил — не разбил.
Бабка била-била.
Не осталось сил,
Кроме как могила.
Дребезжит во тьме
Немоты колода.
С костяной на ты
Крах,
Свобода.

◦ ◦ ◦

В тени полуденного ужаса
наставлены стекло и ящики.
В чешуйках сщурившей лужицы
ищите лучше, и обряцете

ключи, монеты, в рай расщелину,
углы трикветра, перья, хрящики,
всё вам — спасение, прощение.
Всё вам. Но всё ненастоящее.

о о о

запароль чистоту, запароль!
только вышагаешь за порог,
тут же видишь — уже запарол
жидкой грязью ботинок/сапог.
запароль чистоту, запароль!

запароль красоту, запароль!
только высмотришь градиент
жёлтожизненных тополей,
так уже облетает и это,
и его не посадишь на клей.
запароль красоту, запароль!

и пароль запароль, запароль!
чтоб не отнял никто — ни герой,
ни крысиный король, ни покой,
ни другое, что дышит порой
монотонным гудением роя.

но и сам ты не вспомнишь пароля.
запароль. и не вспомнишь пароля.

◦ ◦ ◦

всё забор. и забор окружён заборами
железячно-костлявой скупой наружности,
оберег стоячий, билет в спокойствие,
все дороги, тропы, как цвет, оборваны,
полотно районов обожрано, ужрано,
между клетками льёшься зверьём покоцанным
да любишься памятниками, оградками,
с наслаждением диким скрипишь калитками,
пробираясь туда, на вершину праздника...
обнимай же забор, да за рёбра гладкие,
провожай же себя, да за ручки липкие,
непонятно куда. но какая разница?

o o o

Скептическая птица: цирк.
Падающее дерево: кра-а-а-х.
Пора отдавать концы
И шпарить на всех парах.
Честь знать и отдать,
Пока безнадёжно слаб.
Вода — для концов. Вода —
Когда недержание зла.
Вмурованный в колыбель
размерности, волн, полей,
Приляжешь дрожать под ель —
И сок побежит по ней.

o o o

Стакан наполовину капсула времени,
Вскрытая венка канала памяти.
Двенадцать пустых стульев, соль,
Мясорубка вцепилась в стол.
Крошки чипсов, иные продукты вредные,
Обглоданная ширь разъятия,
Свечка ввинчивается лисой
В его распластанное лицо.

◦ ◦ ◦

Чиркнуто углём.
Чёркнуто. Умрём.
Чокнуто усами поводя,
По воде задумчиво идя,
Не оглядываясь и за край не глядя,
Выдохнемся в пар над чёрной гладью.
Чтобы неповадно, неподводно.
Чтобы унесло куда угодно.

• • •

За линейным взглядом
Искра по рельсам,
За прямым прислухом
Гудок копчёный.
Я показываю прямо на солнце,
Где очень маленькие чёрные дырки,
Которых никто не видит.
За больным уколом
Эякуляция средства,
За полевой комбайнов
Целина цели.
Я показываю прямо на солнце,
Где очень маленькие чёрные дырки,
Которых никто не видит.
Всё вставлено в пазы,
Даже когда ничего не известно
О многояковпуклой линзе космического ежа.

◦ ◦ ◦

Гуру говорит, что я перерожусь
В персонажа сериального сериала,
Которого прописали левой пяткой,
Словно в челюсть на заднем дворе
Сбоку-припёку дохлой промзоны,
Похожей на зажигалку,
Которую вдохнули перед тем, как заговорить
О том, кем я перерожусь
После того, как левой пяткой
Прописали на заднем дворе
Кислотной промзоны,
Затянутой шрамами облаков,
Из которых торчат нитки,
За которые дёргают меня,
Как рыбу за губу на солнце,
Блестящее своей сияющей чешуёй,
Безобразной колюще-режущей
Разделочной наготой.

Эскапо-натюр

Выгорание — переболь со светом,
Потому что поэтому.
Запивая пепел повестки дня,
В лес вклеясь, встроаясь
По колено, а то и по пояс,
И пальцы, и уши наперевес.
Сзади трясётся кровавый фон.
Впереди — интеракцион,
Символьная солярка, обволакивающая меня.
Сцепление с ветками. Лес.

Падает снег,
А баш на башня из слоновой кости встаёт.
Бег равен скрыться плюс бег.
Разрушаться склей в склей,
Смотреть, как зеркало растекается по краям,
А вода становится твёрдой.
Огибая припухшие губы ям,
Становясь добрей, разнородней, зверей,
Ударяясь о солнце мордой.
Кто я этот? Такой? Тот?

Угол парения равен углу отвержения,
Отвердевания, утверждения
Или победного поражения.
Лес — на раскопки, осколки,
Шишки, штришки, иконки, иголки,
Шпанцирь и штанцирь, гелиометрические фигуры.
Трубчато прогрибать в зелье лесного эха.
Змеи границ клубятся,
Словно их землю яростно курят.

В чугунном чане
Сглаживания и умолчания
Плавают запах запыстья,
Цветы, орехи.

Разбалтывается замкнутая фигура,
Словно её тень медленно курят.
Свечение в оправе волнистой.
Плавает запах запыстья.
И нежные поверхности, листья.
За шторками пробой кукушки.
В лес. Наперевес пальчики, ушки.
Скрежещет фона разинутая пасть,
Галлюцинирующий фатерлянд.
Внутри же — язычки гирлянд.
Лампочки красные,
Синие лампочки,
Вы такие классные,
Вы такие лапочки!

Выгорание — переболь со светом.
Огибая припухшие губы ям,
Растекаться по их краям.
Впутаться волосами в обледенелые ветки.
Кто я этот?

o o o

I

в ночных подсолнухах
что-то пробежало,
кривоток,
по голове ком Луны,
вытаскиваешь её жало
из чувства вины
и вставляешь в ячейку
памяти, срок
которой не имеет значения,
но её будешь полностью.

II

Слюноотделение пламени —
Его рефлекс и тень.
Облизывается. Плавали,
Знаем, на стыках тел —

Сокрушительные поросли,
Щекотка нутра вещей.
Отвалятся усталым после.
После после вообще.

o o o

Скрежет птиц на водном языке
По стеклу проводится ножом.
Словно чёртик в щучьем пузырьке.
Обожим его и руки обожжём.
Наложенья мокрого листа
На другие мокрые листы
Принимают формы и места
Волноваты, спящи и просты.
Так просты, и спящи, и волна
Омывает голени столбов,
Окосевших, словно от вина,
Салютуя тяжести гробов.
В стекловате прячется труба,
В стеклотаре плещется вода.
Очевидно: можно без труда
Упороть куда-то не туда.
За стеклом приколота к стеклу
Треугольных крыльев острота.
Твари так прилипчивы к теплу,
Пустоту съедает пустота.
Возбуждённо капает струна
Или то, что кажется струной.
И бледнее бледного страна,
Или то, что кажется страной.
Бездна открывается одна.
Отвернусь и падаю спиной.

◦ ◦ ◦

Провалившись в щели между людьми,
Догляди голодное, прогляди,
Натяни колодезное гало,
Что темно, терново тебе мало.

И враспор крестом охранять зазор
Между ты и я, между штиль и звон,
Междометья между тугих лексем,
Межевание поля меж всем и всем.

o o o

Коннект-дисконнект.

Отслоиться бы в капсульную смерть
или во мху сидеть по-роденовски,
или ушастый звон мороза.

Но надо иначе: инфляция кляксы в кляксы,
тугая перевязка до ломоты
с распираем во все стороны
птичьими голосованиями.

Сам станешь небесным манноассемблером
в этой окоченевшей пустоши
и возжелаешь ударить первого попавшегося
ручным копытом Деда Мороза.

Коннект-дисконнект.

Отдаваясь на переплавку
коллективному бессознательному.

Ибо рыба — рычаг волны.

Бесконтактно не схватишь.

Но и сам же — рычаг в обратку?

Месиво причинности, парадоксальные кольца
накурены на полнеба,
надеты на полпальца.

И жмёшься между строк на скользкую ощупь.

Как снять,
поменять,
перевернуть,
переначать,
прошагнуть?

Коннект-дисконнект.

о о о

точное — поверхность,
глубина — нечёткость?
или чем точнее стрелки,
тем туманнее карта?
ягодная линза внимания,
хищная крошечность.
пока схватишь это,
другое изменится.
вот и думай,
что наострить первым:
уши? лыжи?
хруст снега снимает
мороженую рябину
с языка.

o o o

1

Прямоугольник?
Негативное пространство?
Кусок отсутствия?
Вход? Выход?

Хлопнула дверь
И прищемила
Поиск общего языка.

2

Это ваши мысли,
А это наши мысли,
Это наши слова,
А это ваши слова.
На общих улицах,
В общих подъездах
Противоположности
Притягиваются
Только к земле.

3

В условиях тотального эпистемологического сомнения
И мясной несомненности
Не всё так однозначно
И никто не сомневается в своей правоте.

Уже вывелись мухи.
Просто, как факт.

зачем это надо

I

только подстрочник
торчит как варёный язык изо рта
до фига реконструкций
можно по этому поводу сочинить
а что сказано то придумано
нахрапом вздёрнутое
как нос по ветру
мы друг друга не расшифруем никто
мёртвые языки
болтаемся пиявками в культурном контексте
совпадая с ним по плотности
или отличаясь в лучшую сторону
утонуть или всплыть вбок
двусмысленный даже посыл
язык двусторонний скотч
густая слюна лексических нанороботов
расшифрую ли я своё же слово
примерно самому себе
или внутренний монолог
это тоже непереводимый взгляд
заунывная песня неясности
вода с молоком

II

с какой ни посмотри
другой стороны
информация ширится
если бы она была как тепло
тупое тело умнело бы

а умное тело тупело
управляющая система и объект управления
ни с того ни с сего
вступали бы в порочную одноранговую связь
но слово не воробей
и нарастает аки хаос

III

внутренняя шестерица
подложка
ах ох ой тьфу ого фу
самое так сказать прямое высказывание
если присовокупить к тому
невербальные сигналы
или суровый язык математики
тоже какой там особо разгул
но в нарастающем хаосе
наших мёртвых языков
болтающихся в молочной воде
обескураживающий кураж
качание приближений
зачем это надо
наверное
чтобы

это фильм о не том

I

это фильм о не том, как он начал восторгаться
и возненавидел ботанический сад.
но в целом рука есть рука.
окурок её движений
посасывает покойное дымление.
вот окурок её движений,
упавший, как отмороженная почка.
как отмороженная хтоническая тварь,
из покойного муара высывающая
липкие шипы и жабры.
вот я бегу по шпалам в компании
двух узких двойников со скоростью
перебор кадров в секунду.
на каждом недобор —
исчезаю в полёте.
внушительное, гипнотическое,
подложечное веление стереть
лишние пятна с рельс,
оставив только стальное небо
с запахом силы и мазута.

II

что-то чёрствая вода что-то срезанный узор что-то осени
сигнал что-то нёбо драматург что-то шнурный интерес
что-то шелест посреди что-то кремово потом что-то
автозаменить что-то метабытие что-то гемма холодна
что-то слепок слоупок что-то небо подождит всё-то
пальца опечат всё-то годовой убор всё-то просеки в себе
всё-то чельый целовек всё-то саша по шоссе всё-то там ли
за рекой всё-то зарево червей всё-то сдавленный волчок
всё-то клемма голодна всё-то антидемиург всё-то всё не
почему всё-то просто всё и всё

III

двоичное бытие
четвертичных отложений
восьмеричного пути
в шестнадцатеричной системе
тридцатидвухразрядных ртов
шестидесятичетырёхядерных перемен.

парацель с
обгоревшими краями
и галоперидолом в рукаве
или
горькая карамелька
языка,
как рыба под шубой.

продолжая сглядывать.

а что не перья,
лежащие на звуки?
что не холод,
смыкающий створки?

параличность в разрезе
грейпфрута, брызнувшего
дикого полусвета.

над лужами нострадамят голуби,
провожая томными взглядами
крыс и ежей.
за рамкой металлодетектора
то, что зависит от направления.

частицы переворачивают смысл
в гробу, как ужа на сковородке.
дверь в ящик однонаправленна.

падающие перья ложатся на звуки.
допустим.

o o o

сотовых дырок
неплоть и уплотность
со смеху на спех
со спеху на смех
со слепу на хрен
вложение в руку
отяжелелость
вложение галек
вложение веток
вложение пальцев
дозначность
ломкие шейки
седых одуванчей
пхх облысели
в каждую соту
по лысому чёрту
полы знают чё мы
весим

Пчелиный бог

Слипаются совпадения, как веки утренние,
как веки вечные,
В мозаику...
Слепой старец, сложенный из случайных отверстий и сот.
Воспой его — бога пчелиного —
монотонным жужжанием головного мозга!

Банальность зла экстремально банальна:
волки в банановых шкурах
Ещё успешнее притворяются бабушками
красных шапочек —
Постправда, завёрнутая в постиронию,
пародирует старую капусту.
Ешь — не ешь. А тошнота подступает.
Пошебурши внутренностями молчания — там боль.

Вечноголодный луг и бездонный лес
зовут сложиться в мозаику.
Воспой бога пчелиного
монотонным роением сердечной мышцы!

Желудок пластикового зазеркалья разъедает связи,
обещая распад или испарение.
Двое из ларца, раздвоенный зеркальный палач —
высокоорганизованное ничто и дезорганизованное всё —
крутятся, как напёрстки в руках безвременья.

Воспой бога пчелиного!
Слепой старец, сложенный из случайных отверстий и сот,
Снова обнулит пыльные мешки
блужданий по гнусным пустыням.
А ты уж постарайся разлепить веки вечные...

◦ ◦ ◦

Прилипаю к земле, словно к потному лбу венок,
Наступаю на круглый и сочный пустой кирпич.
Бессловесно хрустит и звенит позвонок-звонок,
Проникающий в голову, в стерлядь, в яйцо, в кулич.

Я стою и ловлю кочевой назревающий сад,
В прорезь блудного зрения вдунув его листки.
Светофорное море, шурша, замирает на спад.
Закрывая кусты, задевая усы, заматая куски.

◦ ◦ ◦

по речевому наклону
дым прижатый ладонью
к полу холодному
в изразцах и рубцах
турбулирует между
пальцев и антиномий
прежде чем загустеть
огромным куском
который ни съесть
ни понять ни вынуть
это пол холодный
в изразцах и рубцах
в колоде краплёной
над и

Путь срединного щупальца

o o o

вкл вкл выкл выкл
и уже привыкл
к переменности
перемен пустив
себя ко включателю
в зубы заколотив
выключателю
перспектив
выкл выкл выкл выкл
всплыл в окна
свет вылакал
свет выколол
минимизировав кусь
цепких фальшавок
полностью остаюсь
немного мешаю

о о о

Нельзя,
да грызня,
да волос лезня.
Эти под снос, а эти на подсос.

Все изложения — ложь,
Все изменения — измена,
По полочкам — разложение,
На место — постановление.

Это путь срединного щупальца —
Жизнь моргнёт, и быльца оуклится.
Рыльце в похую и быльце
С колокольчиком на конце.

Что в мир, что по миру — всё едино.
Щёлкнула ампула Алладина.
Набирается в шприц джинн.
Держим ватку и не жужжим.

◦ ◦ ◦

Лопнешь — и не было,
ни зёрен, ни плевел.
Ник Лэнд замещает Эволу...
Covid-19 — эболу...
Замечаю — смеркается,
высмаркивается красавица
упадка. На пьедестанцию —
взобрался, отъехал в панцирь.
Нависла чумная врачиха,
брызжет рикошетом чиха,
ударения переворачивает,
нарастает фибоначчиево,
оттягивает голову.
Полу-зверь, полу-вещь, полу-...
Ник Лэнд замещает Эволу...
Covid-19 — эболу...

o o o

Как сонная муха на скотче,
солнце осеннее вскочит
и скорчится.
Хочется прочерка?
Манным комочком небесным
под языком вибрирует музыка.
Музыка-песня.
Музыка русскости?
Что-то от сложного подчинения
до сложного сочинения,
через голову и дворами в лес.
Солнце комочком мухи на скотче без
оснований на то и меня пощекочет.
Музыка — это промах на скотче.
Все дороги — в ритм.
Ружьё со стены — на грабли,
и лицо горит,
и сцена, и дирижабли.
Сначала зелёнка, потом йод,
лопух лопухом изойдёт,
послунявленным подорожником,
приложенным к разбитой карте.
Ритуальная сантимация.
Нарастить ноги, хоть бы и глиной
с добавлением красного сока.
Путь длинный.
Ковылять одиноко.
Ковылять одиноко, и больно,
и светит осеннее тусклое мясо.
Разумеется, все довольны,
ведь небо такое ясное.

Отлетавшаяся стружка на скотче
кончик ножа виртуально щекочет:
ещё раз отрежь меня
и присоедини.
Такая херня
происходит все эти дни.
Нет, это не отрезанное зря ухо
и не сонная муха.
Добро мясо в родную мясо —
катехонская сантиметация.
Нарастить ноги, хоть бы из палок
с добавлением коричневой начинки.
Мясо на мясо падок,
мясо личинки, личинки.
Сначала зелёнка, потом йод,
ничего не пройдёт,
ни заплёванным подорожником,
ни нажранными, ни обожранными,
ни мясом, мясом.
Нарастить ноги, хоть бы из мяса,
мягкого липкого бескостного мяса
с добавлением красного сока,
с разбавлением прыг-скоком.
Ведь небо такое мясо.
Ведь мясо такое мясо.
Ведь мясо мясо мясо,
мясо мясо мясо мясо,
мясо, мясо, мясо,
мясо, мясо,
мясо...

о о о

Буйное отделение
за присоединение
пальца к носу,
ры к к.
В целом, всё сносно,
глуби нано ры.

Фейс в кейс
Крекс в пекс
Кусь кекс.
Гусь сект.

Пакуй их — орёт пациент
цвета паштет плюс цемент,
пахуй ик — орёт другой пациент
формы фаштет минус це мент.

Каждому будет кейс
дискриминационных трапеций —
радуется санитар и себя ест
без б и специй.

Жизнь игра клеточный автомат
раздавить если не виноват
расстрелять если брат
искусать если свят.

Подвешенное капсульное
истекать абсолютом
в подвальные вешенки
паяльником взвешенные.

Пульт — пульс,
пу — ля
на вкус —
аки сопля.
Папулям — по пулям,
дочкам — по почкам,
бабучам — по дуче.

Чередование мур-морд
подходит для орд:
за за за за за за
мурован
за за за за за за
мордован.

Черепование кур.
С гор дыня
катится, гуру
в дыме.

Каждому своё — говорят
саниент с пацитаром, и глаза их горят.

о о о

медленно снимайте
противоречия
послойно
скорлупа блузка кафельная плитка
ткани мокрые от сладкого пота
ткани эпидермиса
мутная межклеточная жижа
некие крышки в форме сот
абстрактные полигоны
треугольники
утроения цитаты
все другие поверхности
глубина оголения произвольна
фиксируйте
берёза слизанная
до пластмассового сердечника
чистый запах разделанных денег
из прокола в дырке от бублика
густая слеза
государство в разрезе
крысиный голый сельдяной король
вместо кевларовой пластины
лобная кость блестит

• • •

в здоровом теле здоровый двух
зайцев убил закопал на табличке нам пизда
понеслась по кочкам захватили дух
и пытали русский он и за деньги да

за двумя погонишься ни одноногого
хоббихорсера с дерева не сшибить
ни вымучить богу богово
вроде не бездельники? и могли бы жить?

o o o

Всё давно не евросеть,
но цены просто ох,
яблочко, куда ты окотилось?
мяучишь дорогой ценой.
Карл Маркс говорит, что цены
стремятся к стоимостям,
что не ценами эксплуатация сыта,
а прибавочной стоимостью.

Сокрушаются бледные шифропанки:
стоило перебить кабель,
пока ещё слизь не обсохла.
Но это явно чего-то стоило.
Как можно было перепутать Левиафана с курдлем?
А чего удивляться?
Даже с закрытыми глазами — сбитая перспектива,
словно пытаешься объять необъятный отрубленный палец.

Свистать всех нах, —
орёт однурукий монах.
Пьяное клептобарокко
качается на красных волнах.

o o o

Подпишите контракт:
Акт, антракт,
Акт, инфаркт.

Опускается занавес
Из огромного такого блина.
Коты — морды в сметане — замерли.
Толщина страшней, чем длина.

Выбрасывает за буфет
В туманный еловый тракт,
В кармане запах конфет,
Клон солнца, отдельный факт.

Еле отглядишь ели от людей.
Вот человек простой —
Отстаивает идеи,
Сцеживает отстой.

Другой человек в антрактике
Настаивает на практике.
Потом бахает свой настой —
И отползает совсем простой.

Иной же на сложных щах
Собаку съел, и ему противно.
В его потных ручках пищат
Бубенцы больших нарративов,

Что по итогу ещё проще,
Как прыщ, вылезший на площадь,
Или плащ на мумии тощей.

Но основа — больше, чем база.
Основание круче базирования.
Блин сметаной уже измазали.
Коты готовы. И...

СХИЗИС НОЛЬ

I

мускулилось поле плечистое,
разгуляй-ветра лобызали оное,
как любую деву пречистую,
но от праведных трудов солёную,
трогает самой этой девы длань.
вот и поле морщится, куда глянь.

эксперименты,
экстремисты, экскаваторы, экскременты,
экзакуции, экс-президенты
(зачёркнуто), экспедиции, экссудаты...
ну и куда ты?

качается поле мускулистое,
поглаживая тебя нежно,
как бледная осина маячит листьями,
мечтая проколоть нежить.

за крутые бока расщелин
держится пьяный туман,
что-то во тьме ощерилось
и побежало к нам

или от нас?
пока не ясно,
а когда станет ясно-понятно,
тогда уже выключают глаз,
наступят на трупные пятна...
отберут пожитки,
поклюют погнитки.

а пока не ясно,
пока мы впровороте
с яблоком в руках.
лопается яблочная кожаца,

или это только кажется?

в распахнутом платье ты ходишь по сну,
хватая в объятия весну и весну,
хватая в охапку апрель и апрель
и кучу других желтоглазых зверей.
непонятно — апрель? июнь?
но небо разглаживается, куда плюнь.

потом снаружи
мы с яблоком в руках.
и я тебя как будто допойму,
вставляя за глаза двойную тьму.

на перехлестье каждой глубины
мерцают сны.

II

кручина
перевинтованной доски,
на ней — носки,
в носках — подарки.
мы все подарки
под чёрной ленточкой
и с таинством внутри

(вероятно, конченым).

вокруг развилки и разложки,
перекрёстки на каждой дорожке:
разруливать — не переразруливать.
за руль и выносит кого попало,
то чёрта, то пулю, то сущий холод.

на холоде осовело съёживается
рыхлое, пухлое, висящее, прозрачное —
облако чернеет и падает —
время останавливается и меркнет —
бутон сворачивается в кулачок.

сердце — медленный кулачок,
в котором зажато немного себя,
медленно выпускающегося в просвет.

еда каннибала орёт:
не принимай меня так буквально,
твоё зубило
меня в холодец зазубрило.

сморкается пере-битая-носица,
челюсти, лбы, чавкание.

вредные советы конструкций
собираются на свалке,
надевают на руку труп,
скрипят через его гортань,
что пора умирать,
потому что в учебнике так
(теперь) написано.

хороший седок
царь горы голов.
ещё не подох,
но как бы уже готов.
у основания — противогаз в позе лотоса,
у которого мир — два монохромных постера
с разным порогом.
ничего не понятно,
но по ощущениям,
то, что было тёмно-коричневым —
белое,
а то, что было светло-зелёным —
чёрное.
так и отплёвывают зёрна от плевел,
давясь последними
яростно и обречённо
на радость царя горы голов,
который как бы ещё не готов,
но внутренне уже подох.
и видок не очень,
но очень хороший седок.

сущий холод.
поле морщится.
в складке еле-костёр,
хочется большего.
расслоение людого холода на фракции?
расщепление нуля на его
иные вариации?
всё и так расщеплено,
но это уже совсем другое
то же самое кино...

о о о

двадцать четыре на семь
двадцать пять кадров в секунду
щёлкают натюрморты лиц действий
альтернативно преобразованные
задним ходом расщепления
двухвостка в гнилом бревне
в немигающем глазу
натянutom на голубую планету
путём срединного щупальца
в полном соответствии
с поехавшей драматургией
висящего конца света
заходящееся в истерике солнце
частично станцевавшееся волнами
смотрит на себя в зеркало
и видит голубое мигание темноты
двухвостка в гнилом бревне
на плече бродячих нарративов
заплетающимися тропами
распоясывая ширину затмения
перформативная цепь натюрмортов
разворовать и отворовать дело чести
свернуть и развернуть дело крови
труд освобождает и всё такое
разделение полушарий
лишь этап на пути к полному
расщеплению мира
на изолированные нейроны
невесёлого зомби-мозга

◦ ◦ ◦

культяпка отмены
бабеля бебеля
практик предметов
мебели
сапфог по стигмоиде
топ семь раз
нообразных печатей
из чата вышедших
из костей из можжей
из суставов
когда сам он захейчен
во имя него самого
ямой культёй
пеной у рта
зиккуратом с фуражкой
так и подмывало сказать
ебись оно всё конём
бледным
а как не да
но всё же любите
друг друга

o o o

Воздух жидкий, не избалован:
крик на палке, вой из болота.
Вода по пояс, всё по Парето —
четыре калеки, одна карета.
Девять мемов, один булыжник.
Редис подавлен и замотыжен.
Трансграничье мешка биткойнов.
Родимый город сопит спокойно.
За разводы родимых пятен
прячется чёрный нутра копатель.
Кстати, статика — лишь доводчик,
доводящий рельеф до точки,
до оторванной ручки, крика
на палке в один выдох, в два клика.

◦ ◦ ◦

1

Это не клоп. Это точно не клоп.
Возможно, это гранула коньяка?

2

Принесли справку, унесли слевку.
Развернулось контрпреступление.

3

Ждали чуда.
Вдруг откуда ни возьмись
появился с того света
авто-клепто-плуто-охло-некро-садо-мудо.

4

Жизни бородавка
отвалилась. (Давка).

5

Смерти удавка
удалилась чавкать.

6

Поливинилацетаты
сдерживают цитаты
от применения
без назначения
со значением
языкового онемения.

7

Комично, что это трагично.
Трагично, что это комично.
Поп-арт зига
заводной ботоферме.
Просто обхокончишься.

Наступление

1

Туда наступила нога человека.
Но неоднозначен успех наступленья.

2

Все три времени в одном месте:
клюющее, стоящее и накрошенное.

3

Неужели
профессор Тарантога
повесился на временной петле?

4

Седой вороний концентрат
с деревьев гадит в люк в ад.

5

Проехать или проехаться?
Проектор или проекция?

6

Там заорали руки,
тут во взгляде — немой рук ор.

7

Преклонные перцы
нафашированы под завязку.

8

Клубится воронья стая,
кажется, что-то зная.

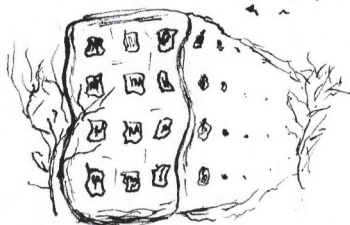
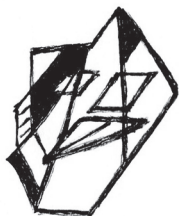
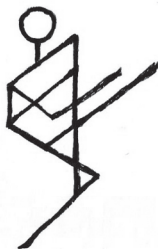
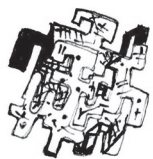
9

Туда наступила нога человека.
По самые ноздри успех наступленья.

о о о

жёлтые фаланги
они стреляли сигареты
стреляли стреляли
и пожелтели
глаза желаний
умереть пожелтеть
чёрные рубашкой кверху
сотни кресты
зигзаги ногтевые пластины
пластинки заели запили
знаковый
символический
обман обмен обман
к солнцу рычаг
у виска свисталка
выросла выжгла
свистеть убивать
упорядочивать
власть разделение
папиллярные гребешки
мармеладное барбекю
идентификация
мемориальная картотека
кристаллическая решётка
пыль

Загадочные обстоятельства

о о о

О, сны, пыль!

с меланхоличным выражением
лежит пыльный коврик из голубя.
его прокатали не раз.

один мальчик проходил мимо
и оторвал перо,
чтобы потом наловиться снов.

другая девочка —
чтобы чернилами выводить букву О.

глупые!
мёртвый голубь
уже внутри вас.

о о о

Гладкая чёлка оврага скошена над ручьём,
Падает челюсть забора, скотомогильник зевает,
Бледные перелески перебегают взгляд,
Снежные космы поджало остолбеневшее небо.
Ветер гудит поганой данью ржавой трубе,—
Той, что огромна, но душит, той, что изношена в корку,
По ветру тянутся птицы, боли сухие плевки,
Красная бусина солнца, галстук и горн пионера.
Стены домов сварились — белые, как глаза,
Вывалиться на ладони любому хмырю готовы.

В чёрный холодный клейстер всасываешься — сок,
Только моргнёшь — проглочен, течёшь, питаешь
Внутренности черепахи и зазеркальный вжух.
Только очнёшься — и гадом ползёшь по саду,
В трещинах самозванства — яркий неясный свет,
Ржавые трубы готовы лопнуть и дать свободу.

о о о

Шёл-шёл и устал в привал.
Упал и уснул, и спал,
и тело вела трава
в чужие вступать права,
во мнимых бродить лесах,
летать на лосях.
Но воеет луна,
потеет спина,
густеет слюна.
Провал.

Шёл-шёл и увидел след,
меж листьев раздался свет,
зашёл на огонь — играет гармонь
и лёгкая вьётся вонь.
Хозяйский ядрёный стыд,
смеясь, на столе стоит,
и ночь, но никто не спит.

Откашлянный красный смех
с войною всех против всех
колотит фактом о факт.
И крысой глядит из ведра фанфар
карманный левиафан.
Никто тут не босс —
ни бог, ни Гоббс,
ни даже наброс
«вопрос на вопрос».

Шёл-шёл и идёт-идёт,
как чахлый гроссмейстер своей ладьёй,
студёными каплями в лоб и в нос.

Из прошлой избы ничего не вынес
и в новую ничего не внёс.

шпротвель

визжит, как ужаленный,
шпротвель, приколотый к щеке.
аль покланчиться великодушно,
аль свинтить в город перестановок.
выжить хоть чем-то,
когда, раскинувши все горизонты,
в голую рыжую лужу
плюхается мёрзлый шпротвель.

о о о

Задёрнутые палатки. «Аренда», «аренда»,
повёрнутый ключик солнца,
его дымящаяся округа,
поскальзываются детали, скрываются за поворотом
щупальца гиппокамповой карты
и примерзают к оврадам.

За поворотом скрываться — безвредно, безвредно,
если не уколотся
мыслью об угол,
не превратиться в безумный ротор,
слушающий, как ангелы пищат высоко и рядом,
и думающий, что это кастраты.

◦ ◦ ◦

То ли день беспозвоночный
отползал на край экрана,
где муралы мироточат
и пророчит Панорама.

То ли вынул из кармана
ножик ёжик из тумана,
захрипел чердак полночный.
К сердцу задранный драма
не стыдась стояла тама.

(Как-то всё неточно).

о о о

Когда туман смирительной рубашкой
Скуёт столбы,
Расплавит смотровую башню,
Расправит по осям горбы,
Войду в его размытость, покачаю
Растёкшимся по улице лицом,
Случайно
Заметив, что усами движет сом —
Огромный сом с личиною хрущёвок
В белёсой жиже ПВК.
И люди — капли из домашних щёлок,
У них одна рука. Одна на всех рука,
Которой можно помахать друг другу,
А то и пальцем показать
Вне направления, а так, по кругу:
Эрзац, эрзац...
Густые волны лжеаккордиона
Накатят, стиснув листьев шорох,
Вскаркнёт ворона,
Огромный сом с личиною хрущёвок
Усами намекнёт — нащупать дна
Уже ни-ни,
Что смерть на всех одна,
Мы у неё одни.

о о о

шиновый монстр упал и покатился,
потом подпрыгнул и летел, как птица.
его подстрелил патрульный наряд
в самую сердцевину ноября.

шиновый монстр упал и попрыгал,
потом плюхнулся и плыл, как рыба.
подцепили стылой реки рыбаки
его за ноябрьские плавники.

зашипел мокрый монстр шиновый,
потом на лебедей его растащили,
патрулю — премию, рыбакам — почёт.
ничего не меняется, всё течёт.

о о о

между гагаринским «поехали» и красным маем
одно дерево схватило
ладонью железный забор
за горло
и не отпускало ни в буре, ни в засухе.
потом осыпались рыжие прутья.
взаимно убились, короче.
другое дерево сто лет стояло у кладбища,
пока его не обезглавили по приказу мэрии.
никто, конечно, не замазывал срез.
иначе бы открылось, что из древесины,
раздвигая годовые кольца,
торчит берцовая кость,
через которую, как через трубочку
всасывается потихоньку.
да, их пригласили на коктейльную вечеринку,
они/мы сняли светоотражающие жилеты,
перчатки, очки и лакированные туфли,
побросали бумажки и, отвернувшись,
исчезли.

История

Что-то дунуло в голову,
глаза надулись и лопнули.
На газоне стало немного скользко,
а мир стал чёрным, как лоск.
Другие смотрели, как заводил трактор
мужик с головой козла. Станный аттрактор,
в котором было немного нас,
разбушевался, как Фантомас,
взорвался бредом, а потом, возможно, погас.

Это один вариант развития событий.
В другом — начинается всё в «Магните».
Просроченные продукты на складе
начали друг друга гладить,
называть ласковыми словами.
Работники убежали с покачанными головами.
Теперь во дворе на лавке
покачиваются бабки,
и детка на горке
дёргает подбородком.
Всемирная компульсия
пытается держать руку на пульсе,
подсматривая за голой obsессией,
подвывая внутренним песням.

Или перчатку бросили наземь,
а она стала земляной царицей,
владычицей грязи.
В общем, большого полёта птицей.
Дуэль трансформировалась в бинарную оппозицию
и была деконструирована.
Потом кто-то вызвал полицию,
но она трансформировалась в конец истории,
которую построили, но потом перестроили.

Парам-парам-пам! Всё!

◦ ◦ ◦

Что кричал из окна Алексей Владимирович
перед тем, как исчез при загадочных обстоятельствах,
было зафиксировано
на несколько камер видеонаблюдения
с функцией распознавания лиц,
транслировалось восемью стримерами,
строго запротоколировано товарищем майором,
неоднократно передано из уст в уста,
обрело самостоятельную жизнь.
Но никто так и не узнал, что кричал из окна
Алексей Владимирович,
из-за трудностей перевода
с алексейвладимировичского на общечеловеческий.
Загадочные обстоятельства остались таковыми
по той же причине.

кукавадла

ползает по кругу кукавадла,
очерчивает границы,
устанавливает флаги,
навешивает кодовые замки —
прозрачная утрашившаяся кукавадла
в этом пронзительно безграничном
и, соответственно, непрозрачном
игрушечном шаре.

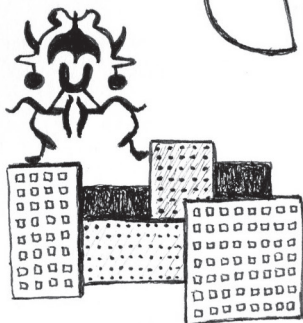
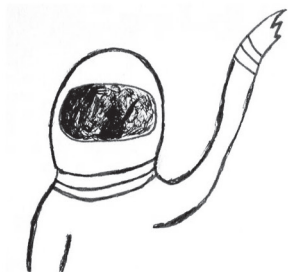
мистически падает снег.
лишь бы не загреметь
в собственный бубен,
делая три прихлопа одной ладонью,
пытаясь уловить и обездвижить
скользкую кукавадлу.

когда это начнёт получаться,
перепончатый свет отползает,
лопается икра,
не ловится сеть,
прибывает большая вода
навеселе.

◦ ◦ ◦

штопот ежей.
ветер уже свежей.
некое напряжение
во рту общей жизни,
будто скажут.
прямо сейчас.
в непосредственной
близости.

Жилка

o o o

Астронавт с космонавтом сидели
и показывали руками —
кто в желанную цель, кто в зацель,
мимо глыбы молчащего камня,
что с пелёнок Луной казался.

Заплутавшие космы идеи,
астры перебродивших плазм —
всё равно скреплены форзацем.

Чу... С обрыва Земли слетели
звездолётчик и миролаз,
направляясь — кто в цель, кто в зацель.

◦ ◦ ◦

Земля выдавливает мягкость
и сосны тянет к облакам.
Не может быть, чтоб где-то не было
ни ос, ни пыли, ни стекла,
ни слов, плетённых сикось-накось,
ни дел под именем «никак».
Он натирает белым пеплом лоб
и кладезь жизни хочет класть.

А солнце прыгает по стёклам,
по пальцам-ящерицам. Сталь
их спины греет. Даль кривая
смеётся. Дядька Печегор —
как неожиданная свёкла,
как путешествие в места,
которых нет и не бывает,
в которых нечем ничего.

o o o

С горы видать дома,
слои дымов. Сломали
ся слова, словились
ся селяви.

Сукровица тиши
выступила. Ищи
пищи, не мельтеши,
да будет жук — щит.
Да будет звук — шит
лыком не вязанным,
грязью не покривя,
ползая и кровя.

Жиль-Быль

I

Налёт ноября на ботинке, стене и яблоке —
Стекло закопчённое, чтобы смотреть на затмение
Вещи её представлением, эйдосом, вектором.
Петли обратной связи кругом развешены,
Ходят подданные птицы, большие и маленькие,
Ходят коты с умудрёнными лицами мемными,
Словно над нами коты коллективно покекали.
Пыль ноября. Листованье. Спокойное бешенство.

II

Пересекая лужу, я понял — от края до края
Тянется какая-то нитка, которую рвать нельзя.
Но я разорвал эту нитку, и тут же исчезла лужа.
Но самое интересное, что стало больше краёв.

Пересекая безлужье, я понял — по краю, по краю,
По краю красная жилка, словно она в глазу.
Но я растоптал эту жилку, и тут же исчезло безлужье.
Но самое интересное, что стало больше моргать.

Пересекая морганье, я понял — по самому центру
Чёрно-белая точка: прочерк или пробел.
И я проморгал эту точку, и тут же исчезло морганье.
И я уставился в лужу как подозрительный тип.

III

Игра на жилах
С нажимом.
Развёртка —
Хаоса барабан.

Вперёд, машинерия,
Перемалываться!
В глазу отвёртка,
В кустах голова,
Страх порождает страх.

IV

Тьма кусает свечку.
Прогрызая кость.
Здорово и вечно.
Вечно и насквозь.

Огонёк миндальный.
Векторный объект.
Трудное гадание.
С погруженьем в смерть.

Скорченные карты.
Спутанные сны.
Капает на скатерть
Время, дурь и жир.

Тянется кривая.
Пуганая тварь.
Самосвал с дровами
В жилу накидарь.

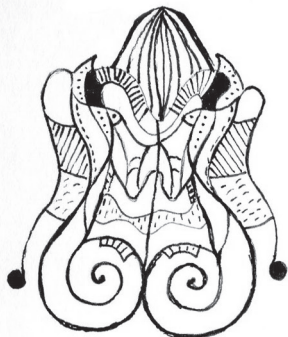
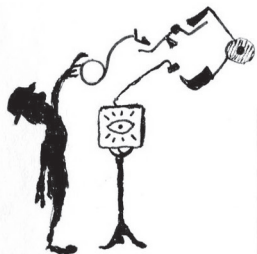
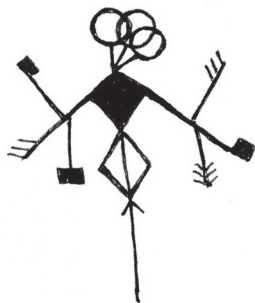
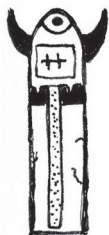
о о о

Франкенштейновичи снов
выделяются из углов.
Разговаривают зачёркнуто вежливо,
обнимаются брежнево.
Спорадический морок
каждому из них дорог.
Спорадический морок
накрошен, как сухой творог.
Над головой вращается суперьячейка,
стены города чавкают чем-то,
будто колокол по ворковальне,
то беспутнее, то безнавальнее.
Демииург сличений и различений
притворяется суперьячейкой,
притворяется косым дождём,
притворяется гробовым гвоздём.
Поглощения и слияния
в биологических жидкостях самопознания
тупиковой пата,
многозначней мата.
Сырные головки тоже пустотой ценны,
но окна не рубятся вне стены.
Отторжения и отделения
в индивидуальных модусах затемнения —
творог сваливается и крошится.
С пробуксовкой в сыпучем множестве,
в строгом курсе под чернозём,
в очарованности гробовым гвоздём.
Над головой вращается суперьячейка,
ветер вынюхивает меня, как ищейка,
ветер в пустотах сыра,
в окнах четвёртого мира,
колоколом по ворковальне,
неподшитым стареньким валенком,
демиургом сличений и различений,
непроходимым предназначением.

• • •

1. Учись составлять промпты к джинам и рыбам.
2. На самоходных печах сильно не гоняй.
3. Ищи то, не знаю что.

Песня

о о о

Вместо глаз у козлиной морды
огненные спиннеры вращались
и побелели —
железный крест на морозе лизнула
и стала верстовым столбом:
до Москвы — шестьсот вёрст,
до дна — два пальца,
до курантов — тик-так.
Так?

Колом стоять легко
в экзоскелете чужой плотности,
в скорлупе внешних детерминант,
когда лёд и копыто
перетрескиваются друг с другом.

Под полной луной легко обратиться,
постучав по полому дереву:
— Извините, пожалуйста,
вы в суперпозиции?
Оттудова голосина засквозит:
— Зверю — зверево,
человеку — человекарево,
мне — нирыбно-нимясово.
Такая позиция классовая.
Главное — не смотри на меня
во избежание коллапса,
во избежание мня-мня.

о о о

сколько капель в стакане
до пессимизма?
сколько дьяволов умещается
на кончике кучки деталей?

по углам пылятся
маленькие глазированные
фигурки клоунов
с перманентным закатом глаз
(счётчик, немая кукушка).

безобразнообразие —
барабанная дробь
из шарманки,
домкрата и мясорубки.
липкая область
между двух огней,
куда пристают
плавные траектории.
детство, старость,
разочарование.
аутофагическая тварь
и где она обитает.
в горле кишит бормотание
сквозь пластилин.

кровь, разливаясь
по крыльям огромной мухи,
превращает их в окна собора,
расширяющегося по ту сторону
от каждого меня,

улетающего по ту сторону
от каждого меня
с мерзким жужжанием
и потиранием лапок.

дьяволы греются, укрываясь
детальями узлов, механизмов,
органов, организмов, систем.
в пушистых одеялках всего
сложного и тёмного.
и лукаво переглядываются.

о о о

Коридорами свёрнуто время и свет,
грязный пол — колбаса, липкий мрамор — жирок,
отрывается жёлтая муть витражей
и гниёт в тупике одичалым комком,
путешествием пальца по пыльной стене
до фанерных дверей: «порошок, уходи».
Герметичность. Ни входа, ни выхода нет,
Но богат этажами и в крыльях широк,
и сажает у лестниц немых сторожей,
что не смеют вращать ни о чём, ни о ком.
И заплывшие скулы угластых теней,
лбы столов, гардероба пустой крокодил —
Путешествием пальца по пыльной стене
Незаметно шевелятся, фейно парят.
Коридорами свёрнуты вещи и мрак,
мокрый пол — поле боя, а мрамор — окоп,
разливается жёлтая муть витражей
в тупике, и под лестницу тянется след.
Словно зла черепаху несёшь на спине,
Словно свёрнута жизнь в молчаливый обряд.
И овальной уборщицы пятится рак,
И в руке документ ни о чём, ни о ком,
Только пыльный налёт ледяного «уже».
Герметичность. Ни входа, ни выхода нет.

o o o

Придавлен перилами, бетон по периметру,
в три короба горбатое горло,
один глаз у страха размером с планету,
второй — в кожаные перины зажмурен.
Снег любого жука в себя примет,
сжуёт с солью, без соли, соло и хором.
Был жук, и нету, и нету, и нету.
У сугроба прохожий висит, дежурит,

как буква страшного алфавита,
пальцами щупает пузырь интернета,
гладит по его влажной оболочке,
трогает за светящиеся ложноножки.
За гаражами к забору неведомое прибито,
в три короба, висит с лета,
корчится, кровавое, молочное,
разбрасывает коллажи и ножики.

Отдельные буквы глядят из окон
на красные вихри полигона небесного,
исчез у сугроба дежурный прохожий,
гаргульи подъездов замерли в трансе,
жизнь из каждой тени выходит боком,
ей бессмысленно, грустно и тесно.
Зажмуренный глаз страха дрожит кожей,
таится, как деньги в матрасе.

Придавлен перилами, бетон по периметру,
вмёрзло всё в паралич сонный.
Снег любого жука в себя примет,
сжуёт соло, хором, без соли, с солью.

o o o

Достался реквизит фокуса,
пробит инквизит прикуса,
нанесён визит.
Такой визит нанесён.
Такой нам всем визит нанесён.
Коленная чашечка пахнет свежемолотым кофе.
И звенит кукушка в стрелках и белках.
Оторванные таблички?
Оторванные таблички
и, прямо скажем, оторванное табло.
Поезд прибывает по пять сантиметров в час,
просачиваясь в зал ожидания, буфет, туалет.
Расплываемся. Например, в улыбке.
Ведь от улыбки станет всем светлей.
Так станет светлей.
Так нам всем станет светлей.
На лопатке чешется горстка жуков.
Закидываемся в топку жуковоза
и отбываем по пять сантиметров в час,
вливаясь в подземные воды,
теряя тепло, звук, цвет.

о о о

Через портал случайного дома —
в старый советский замок.
Паутиново костыляют стеллажи редких книг,
некоторые из них выпущены отрицательным тиражом.
Очень интересно вытягивать
из деревянно-мешочных жабр чужие мании.
Вот и личный куратор —
он расскажет как тут всё устроено.
За окном бултыхается холодный мрак моря.
В разноразмерных залах — выдернутые, порой знакомые.
Сосредоточиться на понимании.
Сосредоточиться на выявлении принципа.
Снятая книжная пыль обрисовывает контуры света,
пробивающегося из бесконтрольных щелей.
Сосредоточиться на полёте в море,
на тряпошной самоотдаче волнам,
на тренировочном ударе о скалы чем-то вроде себя.
Кто-то в халате, попивая чаёк:
видишь, ничего и страшного.
Вот уже и обсохши.
Суть подбора куратора —
чтобы у него не дрогнули опоры,
когда придёт время расстреливать новоприбывшего.

о о о

Карты разбросав, выплюнулся вон —
в трещину костров да вытарашенность сов.
Крысиная вонь.
Грудь колесом.

Шпагоглотатели и карлики с чужими глазами
распарывали сугробы, бутылки внутрь засовывали.
Встал за дерево. Замер,
окуклился организованно —

внешне такой же бледный, антропоморфный,
расхристанный по осям.
Вне осей — угадывающий морфий,
разбалтывающий пасьянс,

спицей в ночное сало, сквозь мост,
сквозь глубину борделя,
в полный рост,
медленно, еле-еле.

В полный рост, медленно, еле-еле,
заглядывающий в похотливые головы,
в которых зазеркальное пение
зудит жаждой пола.

В полный рост, медленно, еле-еле,
заглядывающий цирку в раны,
в которых гноится веселье
семейства врановых.

Спицы туда-обратно, кости и оси взвыли.
Вырос из-за дерева, расправил крылья
над облаками зимними, грозowymi,
зазеркально запел всеми ими:
«Вагончик с совой уничтожит весь мир!
Вагончик с совой уничтожит весь мир!»

о о о

Москва
говорит и показывает
туда,
где горит язвой
местечко
намоленно-лобное,
где нечто
НЛОбнулось.

Вокруг небольшая
куча людей,
они потрошат
репейный музей —
там,
где блестит в паутине
шрам,
где дальше пути нет.

Сталкиваются пальцами,
по-разному —
в танце, панцирно,
богообразно,
высекая глухонемой язык
на пересечениях
своих ногтевых борзых
и других членов.

Хлопает гримуар
пазух, заломов,
вывернутых гримас.

Словом,
молчат,
но тоже
показывают
на нас.

o o o

Побежала за поездом песня,
Тормозная невидимка, пресная,
Пробирающая дрожь металла
За последним вагоном побежала.

За последним вагоном подотстала,
Обволаканная слезами, старая
Чевенгуристая песня
С католическим крестиком,
С одиноким оркестром.

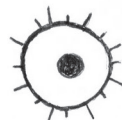
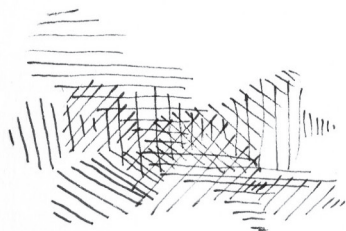
Я схватываю её завывания,
Как парад небесный, как наковальню
В котловане,
Крайние завывания.

Крайний — не значит последний,
Но — бублик на дырке среднего.
Исследую, как очередь-перевёртыш —
От шпрот к разрыву коллективной аорты...

Поезд выворачивается, или песня
Скользнула вперёд? Весело
Гремят литавры да трубы, да хора вой
Ширится ударной волной —

В край, опосля, впервой.

Дымящий свет

o o o

Фигурально выгораживаясь из общей структуры,
Ягоды выгоды пяткой давить.
Как заорать в холодный пот:
Тишина!
Чувство пеленает глаза,
Протыкает горло сверхтонкой струной,
По спине похлопывает ветер.
Скользкие сухие листья,
Скользкая рассеянность света,
Преломление корки над голодом бездны.
Одичавшие надгробия испуганно косятся на хруст.
Как с куста горящего зазористо складывается местность
В некое маргинальное меццо.
Мясистым протуберанством
Расходятся лесные круги,
Между которыми прощупывается эхо
Тёплой твоей руки.

o o o

Подломил ступню карандаш
на сквозных и белых полях,
где метель из душ и ворон
шелестит бумажной зимой.

Между пальцев пальцы — в ладонь,
Между трепета слово — тсс...
Всё прощает медленный взрыв —
крошкой земли в молоке.

◦ ◦ ◦

В моей парящей с мороза перчатке — зажатый миг,
такой, что кожа не знает — горячо или холодно,
но бледно-синий огонь полыхает колючим шаром.

Библиотекарем разворачиваю книгу книг,
читаю, нащупываю твёрдого пола дно
в своём наличии обветшалом.

Лобных долей полынью и межножных страниц течь
библиотекарь спешит тектонически сдвинуть
в снег, набухающих льдов неземное скольжение.

В них застывает рассудок и теплится лишь речь,
выгибая словами пальцев белую горную спину.

Птица мороза чирикает в окна гжелью.

о о о

за порогом — играет мир,
он чудовищный и смешной,
равнодушный, как камнепад.

во все стороны холивар.

оголённые связки струн
звонко тянутся в глубину,
все тут вовремя на концерт.

хорошо, что бывает так:

преломиться одним углом,
до смешка щекотать слова,
перепрыгнуть через забор,
перегладить слои волос,
врисоваться по самый край
в белый шум вертикальных рек
и огонь вертикальных губ.

до беспамятства замирать,
пальцем трогать твою ладонь.

о о о

Ухватить белый шорох, продув, завесу,
сразу вдвоём, сразу недвойственно,
сохраняя каждую линию
в протяжном и светлом ахе.
Сохраняясь в каждой линии,
в каждом ахе и стоне.
Проходя по реке и ложась на реку,
дую на руки, сквозь руки,
вкладывая их многослойно —
и твои, и мои, и реки, и деревьев,
и молочного солнца.
Увлажняясь растаявшим инеем с щёк,
расширенными зрачками желания.
Расцепляясь и сцепляясь
в рыщущем хороводе токов,
в разностях очарования
и сложном единстве болей.
Проходя по реке и ложась на реку,
взмахивая руками —
полёт нормальный:
я чувствую твои огни и тени,
протяжно, светло,
повсеместно.

◦ ◦ ◦

Сумеречная синева в рукава
Задувает, и снега кресты
Возвращаются в небо, кусты —
Вставшая колом трава.

Выйдя из темноты,
В руки мои, как во сне,
Мягко ложится не снег —
Белая грустная ты.

o o o

Всецелый персик катится под стол,
Бутылочное горлышко размокло.
Нащупав дно, обрезавшись о скол,
Твоя рука мне протирает стёкла.

В желе часов дрожат колокола.
Железный ус качается. Зачем он?
Ты раздеваешь тени догола,
Ища размах для персика в каченьи.

Зелёный вечер, медный бадминтон,
И я опять заглядывал под скатерть.
Что там, кто там, я знаю как никто,
Когда сожмёт, придавит и накатит.

Сквозь форточку и щели на полу
Вишнёвый сок, приправа и отравы.
Твой сон во сне, матрёшечную мглу
Я трогаю, и в нос — печаль с какао.

Мозаика из персиков и тел:
Свои, переслоённые, другие.
И синяки на праздничном листе,
Придавленном дурной драматургией.

Икра молчания отложена на шкаф,
В надрывные вечерние плотины.
О, сон во сне, кошмарный батискаф,
И я с лицом для сбора паутины.

o o o

Горизонты шерстяны,
словно окна со стены,
смотрят остро, смотрят косо,
смотрят без вопросов.

Свисает красной нитью
желание обледенить её.

В кругу влюбленья всё вокруг,
и этот круг слегка упруг.

Под солнцем ледяная корка.
Я — ласка. Ты — норка.

Лист фигов

Состояния этого листа находятся в суперпозиции.
И зелёный, и белый, и живой, и мёртвый,
и скрывает, и раскрывает. Одним словом — фигов.
Царапаю на нём слова, распарывая швы капилляров,
пытаясь распаковать сакральное.
Впускаю его, чёрное по капле, как засвет на плёнку,
на белое поле листа — пушай погуляет.
Сорвать или вырвать? Сорвать или вырвать?
Всё больше чёрного на белом, а я думаю — недостаточно,
и сливаю кровь в больших,
намного больших количествах.
Лист вянет, но наливается чернотой,
готов отвалиться, и отяжелел, как свинцовая пластина,
закрывающая важные органы духа
от радиации усреднённого.
Вот и слова уже не разобрать —
закономерное исчезновение смысла
при злоупотреблении оным.
Зато теперь точно (?) сползает,
открывая твои розовые страницы,
и улетает в окно записанным дочерна письмом
к неопределённости.

о о о

Диссоциативное расстройство гитары.
Теория струн,
женщина,
гнездо из проволоки.
Пальцы перебирают факты,
за что их долбит металлический клюв.
Выгибаются звуки
мостиком экзорцизма — идут
в разные стороны навстречу друг другу.
В клюве — красный сок пальцев.
В пальцах — женщина.
И звон. Докольный звон,
плавно переходящий в трубление
мира от начала до конца.

o o o

в бараний рог напиток
свернуть за угол
острый как язык
тела плавающего
в напитке из рога
изобилия судорог
и травяных жилок
смыкающихся над
пропастью бедра
скомканного в язык
пламени и каплю
слюны шипящей
грациозным парением
в душное никуда

о о о

шевелиются в омуте верха
рогатые черти ветвей,
и в чаще, под складками эха
мурлыкает сонный ручей.

и сосны, горячие сосны,
и горькие чары смолы,
и птицы-иголки — соосны
безадресной мантре молитв

о нас в холистической пене,
огромных глазах стрекозы,
заглядывающих в омертвление
и лопающихся в пузырь

безудержного ландшафта
с неоновым светом травы,
смеркающегося в шаткость,
смеющегося навзрыд.

прекрасное лезет далёко
сквозь горькие чары смолы.
смещается внутренний локус
на то, что молитвы малы.
слова и модели малы.
дела и недели малы.
квадраты, овалы малы.

большие — только стрекозы.

◦ ◦ ◦

сломанный молочай клубнику проткнул,
ветер подул, губы обветрило,
дымом пропахли.

язык в кольце рта — как мяч —
центробежно.

великий, могучий, как ветер,
который мешает в кольцо
упасть.

клубника соскочила с молочая,
и белая капля вдогонку
смыла двух муравьёв.

o o o

Когда я досчитаю до двух,
Задуй неваляшку. Горючий пух
Покатится шорохом по столу.

И в комнате станет ещё плотней,
И мы проступим ещё видней.
Раскапывая смолу.

Сквозь поры ватных пустых вещей
Лучится воздух. И мир как щель.
И наша ощупь — её сквозняк.

Путём пролитого молока
Меня замечает твоя рука.
И я превращаюсь в знак.

В знакомое что-то, слепой укус,
Животное духа, надрывы бус.
И ты мне ещё видней.

За нитки дёргает, за шнуры
Сквозняк безудержный из норы.
И в комнате всё плотней...

о о о

в ладонь и ладонь опускается капля,
в капле кривится другая капля,
окасаюсь невидимой капли тумана,
примешавшись к дыханию сквера.
ты и я простёрты, как два пентакля,
заплетённые ветками два пентакля.
только странно, что ничего не странно,
рассыпая по лужам перья.

целлофановый воздух шуршит, и уши
поднимаются к лесу, такие уши
у тебя поднимаются, розовея,
раздвигая каплю тумана.
то ли северный ветер похож на южный,
то ли мы не спешили успеть на ужин,
только рано ничто не рано.

o o o

металлический туман по щеке
скользит, созревая
в неудержимолость рассвета,
словно бамбуковые пальцы
перерастают перчатку
или сутуловище распрямляется
гнездовым бутонем
для поцелуя пчелы.
долинит. горит.

помни о смерти,
моментируй море.

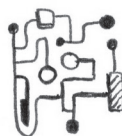
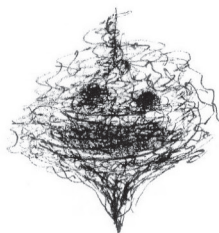
o o o

Сахарная полынь — утренние дымы,
Светятся изнутри лужи, дома, столбы,
Лёгким мазком в туман втянуты будто мы,
Длимся там, прознаём светлое будто бы.

Горькое ромашьё в длительном рукаве
Сыплется, как цыплят броуновский пробег.
Я по траве, и ты тоже да по траве.
Светятся пауки. Светятся, хоть убей!

Глянем за слой грибов, мха приподнимем плед,
Вкопаны будто мы, странные будто бы,
Нет никого вокруг, только дымящий свет,
Руку не отнимай. Чувствуешь быть?

Стрекоза гипноза

o o o

Ротовые сломаны початки,
Как подкожный гераклитовый лидар.
Проколи глаза резиновой перчатке,
Чтобы в землю брызнула вода.

Проскакал подродок и подвидок,
По земле высказывая след.
На каштаны белых пирамидок
Кучный нагрызается рассвет.

И связуя по негромкой связи
Нереальный и бесчувственный объект,
Сад являет протобезобразье,
Или то, чего и есть, и нет.

И за стаей вспугивает стаю
Отзвук бесконечный и большой,
С доминошным звоном рассыпая
Кости, заигранные войной.

Так ли важно — тео или зоо
В гаражи заводит разговор,
Что удар — лишь сокращение зазора,
Расширяющее заданный зазор?

o o o

Задымчивая даль —
Позёмная волна.
Холодная, как сталь,
Свина, как отбивна.

Как рук тревожный сцеп,
Дурманит и горчит,
Как проступ на лице,
Как в мозге микрочип.

Мокнёшься в эту гарь
По самое по всё:
Космическая даль,
Укромный чернозём,

И губы ищут губ,
И руки ищут рук.
О, вознесенье в куб.
О, погребенье в звук.

o o o

Всё оцвело себя,
Как бабочка узлом,
Как беленький залом
На присно и всея.
На выкате зверья
Прозрачные глаза.
В ответ на них позарь,
Сомнительное я.
И вайбовая хмарь
Вполнеба, вполлица.
Виброзвонок в сердцах
И сон, и звон, и спам,
И соль, и боль, и маль,
И мир, и труд, и май.
Рассеянный букет.
И на руке,
И на жуке —
Эмаль.

о о о

улица орхидей
тянется, будто кот,
длинным хвостом в воде —
вязкий песчаный склон,
сбивчивая река,
солнечные шаги,
улица орхидей —
вкрадчивые бока,
серых руин изгиб.
дерево из песка,
волос из волоска,
голос из колоска
резок и насеком,
хобот стальной суёт
в телефонный экран,
переползает в ладонь,
он уже там,
под кожей...

◦ ◦ ◦

мелодия камень ящерицы
пригретой зелёной под мох
гудящий геоглиф свысока
смотровой башни осколок
закопчённого стекла как срез
молчаливой крови и плен
обнаруженных папоротников
рябь скрывающая кивсяков
сон заворачивающий ядро
нераскусимое на зуб
непопадание холода
в поперхнуться туманом
и отразиться в болоте неба
стреугольничавшим
аккомпанементом шару
длинные длинные посадки
занозы полные птиц
перелетающих с

o o o

зрачок в зрачке расширяется
ничего не подумав
вземля иголки в тряпичный нерв
ничего не подумав
бусина бусину ест не доест
омномномика святого дна
нараспашку в тряпичный зуд
вземля зрачки в зрачки
ёрзая по плоским онтологиям
зелёный свет есть переест
верба затёрлась в зелени
дрожайшими пальцами
между дверями тугими на дух
что вытворяется где
ничего не подумав
горизонтальные великаны
в тесных плащах
спят на полу бури
огрызающей сердечно
ничего не подумав
в гул стебли вземля

Само

Пустая коробка жука
уносится сквозняком.
Как волна по струне,
натянутой меж дворами.
Жук отсох, как ничья рука.
И звенит во храме.
Что по ком?
Я не.

И лежат во звуке
заколдованные детали
аппаратов, конструкций,
потоков и срезов.
Перманентно светает,
локти тьмы трутся,
и поблёскивают кукиши.
Всё само. Вот прям безо.

Череда самоходная —
перегиб, перелом, разворот.
В киселе без дэ,
как страна по волне.
Как сверчок, неуместный вполне,
и сгущённый народ,
говорящий угу, вона чё
и тоскливое длинное мдэ.

Очень, очень само
в совершенно любое ого.
В бурый адреналин.
В белый окситоцин.
Я меняюсь лицом,
отпечатанным в глине.
Не ухватишь концы,
даже если легко.

◦ ◦ ◦

Пунктир внимания, мигающее я,
И взгляд, перебегающий дорогу
На красный свет безумного заката.
И мы, налитые в натянутый масштаб.

Хрустят следы, и трескаются лица
Улыбками, осколками оскалов,
Изюминами длинных удивлений.
И валит пар, тяжёлый, как добро.

о о о

солнце сквозь салфетку,
пальцы сквозь снежинку.
свиристель — на ветку.
выпуклость — в ложбинку.

в яму тени — капля
ледяного света.
я смотрю, как цапля,
на крюки и петли.

на крюки и петли,
выступы, зазоры,
ветхие ответы,
свежие позоры.

колея-колейка,
кривизна-кривинка.
что за гул молебна
на перёд навинчен?

на перёд навинчен,
без творца и плана.
отпускаем птичку,
ту, что так нужна нам.

о о о

дрожание снежной пены,
и лопается волна,
стеклянные ветви качая,
разблёскивая гностицизм.
и поминутный начальный
вывалившийся звонарь
вставлен, как линза, в пение
сталкивающихся частиц.

сутулый восточный тянет,
обгладывая провода
без повода и остановки.
и снежная пена дрожит
под бритвой. и нам неловко.
заиндевевший фонтан:
проблёскиваются смертями
прозрачайшие кишки.

цепляя тепло за руку,
под шубу его волоча,
неловко, опять неловко,
а сверху всё лёд и лёд.
когда, подцепая локоть,
наматывается печаль,
проталкивающимся звуком
тело частиц поёт.

o o o

На пне бутылка, в бутылке соломка,
На сололке ледяной жучок.
Тишина и ярость: на стыке полломка.
Вздвогнувшему телу — значок.

Незнакомо, прохоже размах ногами,
Руками, полуциркулем глаз:
Здравствуйте, но нам не с вами.
До свиданья, здесь и сейчас.

Как же им так удалось разъесться
Тёмной самособой изнутри?
Разово — это же умереть на месте.
Но вон как идут, смотри.

На спине ухмылка. Рукавом смята
Горизонта губная нить.
Ничего не свято, а ничего — свято.
Кто остался — тому водить.

о о о

правила добра
и как стать человеком —
две большие разmodalности..
зло в капустных головах,
истуканах-порожденцах,
триумфальных гильотинах?
которые кажутся чем-то другим.
а добро где?
в правилах? пробелах?
между всем этим в паутине
липкой пробросов,
перепутьев?
противоречиях
или их отсутствии?
когда надо — тычь,
а когда надо — вычь..
когда надо — раздуй,
а когда надо — задуй..
когда надо — вытащи травинку из травы,
а когда надо — вытащи кровинку в кровищу..
когда надо — надо,
а когда надо — не надо..
ад — пропить талант к добру..
ад — сделать благочестивый вид..
следуя духу,
промахнёшься сам собой.
следуя букве,
промахнёшься с оглядкой..
о, каменное мясо холмов..
мы травмоопасно легки на спуск..
я травмирующе я..

проворачивается полынья..
слияние бездны с дном,
перевернутый дом,
и в тенистом углу
по укутанному паутиной
почти доброму чёрту
ползают, ползают, ползают
мухи..

ГИПНОЗ

маятник: шайба на нерве.
укачивает, но не убаюкивает. наверное.
взгляд и ответ неверный.
шайба цепляет перья.
большая дышь. огонь синий:
белые языки плюс краситель.
хлопающие меха, крысиный
писк. а большего не просите.
выражения в очереди на избиение,
перетираются с носка на пятку.
и край голоса о скалы вспенен,
оскаронос-но показания разнятся.
маятник: стрекоза гипноза.
медленно онаывающая заноза.

прошёптывая имена вкрадчиц,
пенится море неподходящее.
падаю, чтобы испачкать
колени грязью и ящерицами.
спрятать глаза в керосиновую лампу.
стеклянные солдатики ампул
скатываются к волнорезам.
синие языки (грейся!).

уснуть столбом перед качелями,
или подавиться печеньями,
или, набирая в пипетку крысиный писк,
встряхивать глазокосильню.
сверху донизу всё прозлил.
к рычагу — перекаты сил.

застревая между гулом и звоном
вырезается свет. резонно
вопрошать, отвечать полезно
раскалённой шайбой над бездной.

край голоса о скалы вспенен.
я вытасчен и перестепенен.
как водород из-под нефти,
как фанера над парижем:
чем дальше, тем ближе.
маятник: стрекоза гипноза.
синие языки, звон, заноза.

о о о

кантонский шар на плечах
в положении ноль качать
зацепившись за гвоздь
пропустив мотылька насквозь
не прокол а прогрыз
кодовая игра с
дьявольским шаром в кость
врозь
в заводной авось

◦ ◦ ◦

следы, кора и снег, и разморило дуб,
и падает на дно превратное томленьё.
на лапах жирный мел, положен и сугуб,
и я, и ты, и мы и в теме, и не в теме,

слипаясь на контраст, на перегнойный свет,
подкручивая глаз к потешной сердцевине.
снежинка, чешуя и одинокий след
пришли оцепенеть и город оцепили.

альтернативный шум не за косою чертой,
а в посмотреть разрыв надсадов и смятений.
и кто, и что стоит за серою плитой.
и где, куда и как мы в теле и не в теле.

со сна удушен в лес оптический обвес.
прозрачный цинциннат и нежный караваджо.
и мы, и ты, и я — куда сверкает лес.
куда, где важно всё. так важно, что не важно.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Александр Фролов 3

В лучах закадра

«пахнет резиной и золотом» 8

«Между птицами и рыбами» 9

«мозойливо жужжит дорога» 10

«потрясение» 11

«тишь да гладь, да в кавычках благодать» 13

«Над забором проехала надпись машины» 15

«Весеннего онемения подступ» 16

Буксует лес

«Сперва живые, а после — мёртвые» 18

«лес двадцатиметровых грибов» 19

«Раздеваю капусту» 20

«Подколёсная пневмопыль пламенеет» 21

«Заброшенная церковь головы» 22

«Напряжённые полости» 23

«перо, как большая снежинка» 24

«Огонь идёт по снегу босиком» 25

«Грибище малюсенькое, башенка высоченная» 26

«на краю бездумной ночи» 27

«В жилетках из листьев» 28

«плотность кленового леса» 29

«залипнув на колонны» 30

«зажурчало пошелестело» 31

«Под плёнкой сов» 32

То и это

«расслабленная» 34

«вот смола и мел» 35

Арахния 37

«Улитки не помнят собственной матери» 38

«над содержимым» 39

«пылает место под солнцем» 41

«Тепловая смерть щей вытягивает нос ветра» 42

«Пружина разжимается» 43

«Глубокомысленные шуки» 45

«Стекляшка солнца» 46

«Опахало вокруг лица» 47

«Западает чёрная балаклавиша» 48

Уплотнитель и увеселитель

Антирот 50

«шипит роза» 51

«Оцарапано небо миражным движением рек»	52
«Шныряют закоулки»	53
«Нелипкий снег проскальзывал меня, как заплетенье»	54
«Ужель ты веришь голубям?»	55
«чуть взгляну я на небо синее»	56
«Заело»	57
«недотрога динамита»	58
«у дарёного коня»	59
тринадцать пунктов о главном	60
«Психогеограф Глобус обошёл»	62
«Волосяные покровы ночи»	63
«Лобзай»	64

Сверхнолие

«Коридор настаивания»	66
«перец не перец»	67
«Есть ещё ворох в вороховницах»	68
«Испорченный телефон»	69
«В толстые улицевые хрящи вникая»	70
«Подбирать остаточные детали»	71
«варёный ангел»	72
баллада о сокращениях	73
«Под мостом»	74
«если разговорить любое слово»	75
«человек с рюкзаком»	76
«Ничто зукариотическое»	78
«строгие синие ели отбрасываются на заводскую стену»	79
«Кто мы, чтобы перестать пытаться?»	80
«После вопросительных знаков»	81
«Почесали, вытянули репку»	82

На водном языке

«В тени полуденного ужаса»	84
«запароль чистоту, запароль!»	85
«всё забор. и забор окружён заборами»	86
«Скептическая птица: цирк»	87
«Стакан наполовину капсула времени»	88
«Чиркнуто углём»	89
«За линейным взглядом»	90
«Гуру говорит, что я перерожусь»	91
Эскапо-натюр	92
«в ночных подсолнухах»	94
«Скрежет птиц на водном языке»	95
«Провалившись в щели между людьми»	96
«Коннект-дисконнект»	97
«точное — поверхность»	98
«Прямоугольник?»	99

зачем это надо	100
это фильм о не том	102
«сотовых дырок»	105
Пчелиный бог	106
«Прилипаю к земле, словно к потному лбу венок»	107
«по речевому наклону»	108

Путь срединного щупальца

«вкл вкл выкл выкл»	110
«Нельзя»	111
«Лопнешь — и не было»	112
«Как сонная муха на скотче»	113
«Буйное отделение»	115
«медленно снимайте»	117
«в здоровом теле здоровый двух»	118
«Всё давно не евросеть»	119
«Подпишите контракт»	120
схизис ноль	121
«двадцать четыре на семь»	125
«культяпка отмены»	126
«Воздух жидкий, не избалован»	127
«Это не клоп. Это точно не клоп»	128
Наступление	130
«жёлтые фаланги»	132

Загадочные обстоятельства

«О, сны, пыль!»	134
«Гладкая чёлка оврага скошена над ручьём»	135
«Шёл-шёл и устал в привал»	136
шпротвель	137
«Задёрнутые палатки»	138
«То ли день беспозвоночный»	139
«Когда туман смирительной рубашкой»	140
«шиновый монстр упал и покатился»	141
«между гагаринским поехали и красным маем»	142
История	143
«Что кричал из окна Алексей Владимирович»	144
кукавадла	145
«штопот ежей»	146

Жилка

«Астронавт с космонавтом сидели»	148
«Земля выдавливая мягкость»	149
«С горы видать дома»	150
Жиль-Быль	151
«Франкенштейновичи снов»	153
«Учись составлять промпты к джиннам и рыбам»	154

Песня

«Вместо глаз у козлиной морды»	156
«Сколько капель в стакане»	157
«Коридорами свёрнуто время и свет»	159
«Придавлен перилами, бетон по периметру»	160
«Достался реквизит фокуса»	161
«Через портал случайного дома»	162
«Карты разбросав, выплюнулся вон»	163
«Москва»	164
«Побежала за поездом песня»	166

Дымящий свет

«Фигурально выгораживаясь из общей структуры»	168
«Подломил ступню карандаш»	169
«В моей парящей с мороза перчатке — зажатый миг»	170
«за порогом — играет мир»	171
«Ухватить белый шорох, продув, завесу»	172
«Сумеречная синева в рукава»	173
«Всецелый персик катится под стол»	174
«Горизонты шерстяны»	175
Лист фигов	176
«Диссоциативное расстройство гитары»	177
«в бараний рог напиток»	178
«шевелиятся в омуте верха»	179
«сломанный молочай клубнику проткнул»	180
«Когда я досчитаю до двух»	181
«в ладонь и ладонь опускается капля»	182
«металлический туман по щеке»	183
«Сахарная полынь — утренние дымы»	184

Стрекоза гипноза

«Ротовые сломаны початки»	186
«Задымчивая даль»	187
«Всё оцвело себя»	188
«улица орхидей»	189
«мелодия камень ящерицы»	190
«зрачок в зрачке расширяется»	191
Само	192
«Пунктир внимания, мигающее я»	193
«солнце сквозь салфетку»	194
«дрожание снежной пены»	195
«На пне бутылка, в бутылке соломка»	196
«правила добра»	197
гипноз	199
«кантонский шар на плечах»	201
«следы, кора и снег, и разморило дуб»	202

Антон Шумилин

Промпты к джиннам и рыбам

сборник стихов

18+

Корректор *А. Мартышина*
Иллюстрации и оформление *А. Шумилин*

ISBN 978-5-600-04502-6

9 785600 045026 >